Поѣздка въ Южную и Среднюю Бухару въ 1906 г.

Р. Ю. Рожевица.

(Доложено Отдѣленіямъ Географіи Физической и Географіи Математической въ Декабрѣ 1907 г.).

При содѣйствіи Императорскаго Ботаническаго Сада, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (и благодаря нѣкоторымъ другимъ средствамъ) мнѣ удалось весною 1906 г. совершить поѣздку въ Южную и Среднюю Бухару [1]).

Такъ, какъ это было мое первое путешествіе, то задачи его, само собою разумѣется, не могли быть обширны. Цѣль моя заключалась главнымъ образомъ въ ботанико-географическихъ наблюденіяхъ и въ собираніи по возможности полнаго гербарія *весенней* флоры. Это послѣднее обстоятельство, именно ранняя весенняя пора, и представляло главный интересъ поѣздки, такъ какъ сборы предшествовавшихъ путешественниковъ (за исключеніемъ Капю, даты сборовъ котораго до Термеза совпадаютъ съ моими) относятся къ концу весны или къ лѣту [2]).

Намѣтить приблизительный маршрутъ, снарядиться и запастись рекомендательными письмами и свидѣтельствами было

---

[1]) Сообщеніе объ этомъ путешествіи было сдѣлано лишь въ „Общ. Естествоиспыт. при СПБ. Унив.“ Ботан.

[2]) Академикъ С. И. Коржинскій былъ въ этихъ мѣстахъ въ концѣ апрѣля и мая. Самаркандъ 22/IV—27/V Бальджуанъ.

недолго, и 27 февраля можно было уже выступить изъ Петербурга. Въ качествѣ спутника и помощника мною былъ взятъ двоюродный братъ Г. Г. Морренъ (нынѣ подпоручикъ 101-аго Пермскаго полка). Исходнымъ пунктомъ для выбора пути до Термеза была Бухара, гдѣ мы должны были получить отъ русскаго политическаго агента пропускъ и свидѣтельство для свободнаго странствованія по бухарскимъ владѣніямъ.

Выѣхавъ изъ Петербурга 27 февраля мы 8-го марта прибыли въ Каганъ, т.-е. въ Новую Бухару.

Благодаря любезности П. И. Рейнгарда, къ которому я имѣлъ рекомендацію, и русскаго политическаго агента, А. Я. Лютша, мнѣ не долго пришлось задержаться въ Бухарѣ. Получивъ свидѣтельство и чиновника—„нѣчто въ родѣ открытаго листа, но только живого“, какъ выражается въ своей „Горной Бухарѣ“ В. И. Липскій, мы 11-го марта покинули Бухару и отправились въ Самаркандъ, откуда шелъ почтовый трактъ въ Термезъ. Такъ какъ до Термеза чиновникъ былъ намъ не нуженъ, мы ему предоставили отправиться изъ Бухары прямо въ Термезъ. Въ Самаркандѣ намъ пришлось дожидаться 2 дня, такъ какъ свободныхъ почтовыхъ лошадей не оказалось, и утромъ 14-го марта мы на тройкѣ выѣхали по направленію къ Термезу.

Болѣе отвратительной дороги, чѣмъ ту, которую мы проѣхали по тракту Самаркандъ—Термезъ, трудно себѣ представить. При полной распутицѣ дорога, особенно у подножья горъ, была усѣяна массой камней и щебня и, сидя въ телѣгѣ, приходилось крѣпко держаться за края ея, чтобы не ушибиться или не быть выброшеннымъ, какъ то случилось съ однимъ ямщикомъ, вылетѣвшимъ изъ телѣги и прохворавшимъ послѣ этого 2 недѣли. Другой случай былъ съ почтой, принявшей ванну въ одномъ изъ горныхъ ручьевъ.

Отъ Самарканда до станціи Багрынъ (25 в.) дорога все время идетъ по лёссовымъ холмамъ, покрытымъ короткой молодой травой и почти совсѣмъ безъ деревъ. Изъ цвѣтущихъ растеній встрѣчено только Ceratocephalus incurvus и Draba verna.

Но начиная съ Багрына мѣстность постепенно подымается, и вторая станція, Аманъ-кутанъ, находится уже почти у подножья перевала Тахта-карача.

Несмотря на то, что наступали сумерки, мы отправились

дальше. Подъемъ до перевала продолжался почти 2 часа, послѣ чего мы стали спускаться. Южная сторона перевала круче сѣверной, дорога мѣстами вырублена въ скалахъ, мѣстами же лежитъ на искуственныхъ, сложенныхъ изъ камней насыпяхъ, и въ одномъ мѣстѣ на сравнительно небольшомъ пространствѣ дѣлаетъ, для уменьшенія наклона спуска, не менѣе 24 змѣеобразныхъ извилинъ.

На самомъ перевалѣ лежалъ еще снѣгъ (температура воздуха была однако выше 0°), и картина, представившаяся намъ отсюда на окутанныя полутьмой долины, надолго останется намъ памятной.

Такъ какъ Тахта-карача лежитъ на границѣ Бухары съ Россіей, то въ долинѣ, на южной, т.-е. бухарской сторонѣ перевала, находится бухарскій таможенный постъ, взимающій пошлину, но только *со своихъ подданныхъ*.

Наступила уже ночь, когда мы пріѣхали въ Кайнары.

Какъ всѣ почтовыя станціи въ предѣлахъ Бухары, такъ и Кайнарская построена на подобіе маленькой крѣпости. Съ наружной стороны она представляетъ изъ себя квадратъ, обнесенный высокой стѣной, съ бойницами изъ жженаго кирпича на двухъ противоположныхъ углахъ съ желѣзными воротами. Внутренній видъ станціи представляетъ изъ себя квадратный дворъ съ жилыми помѣщеніями и конюшней у стѣнъ, а посреди его находится колодецъ.

На слѣдующій день, 15 марта, надо было отправляться въ путь возможно рано: приходился почтовый день, когда проѣзжимъ трудно достать лошадей.

До Шахрисябса дорога опять все время шла по лессовымъ равнинамъ, покрытымъ короткой яркой травой; изъ цвѣтущихъ растеній встрѣчались: Taraxacum officinale (не соб.), Corydalis Sewerzowi (мѣстами), а у Шахрисябса: Stellaria media, Muscari botryoides (1 экземпл.), Euphorbia helioscopia и Thlaspi perfoliatum (довольно много).

Къ юго-западу отъ Шахрисябса до Якки-сарая лессовая равнина, мѣстами болотистая. Почти все время по сторонамъ дороги идутъ канавы съ густою, довольно высокой травянистой растительностью.

Изъ Якки-сарая мы продолжали путь въ томъ же юго-западномъ направленіи. Мѣстность равнинная, но не болотистая.

При выѣздѣ изъ станціи насъ застигъ довольно сильный дождь съ небольшою грозою.

Растительность та-же, что и прежде; очень мало цвѣтущихъ растеній; прибавились Gagea (?), Sisymbrium nudum, Lamium amplexicaule и Carex stenophylla.

На слѣдующій день при чудной погодѣ мы отправились дальше. До Гузара почва лёссовая, холмистая, частью покрыта мелкой травой, частью голая.

Вездѣ масса ящерицъ, а черепахи мѣстами встрѣчаются въ такомъ изобиліи, что нельзя проѣхать не задѣвъ ихъ колесами тарантаса. Встрѣчаются также сѣрыя цапли и ястреба, эти послѣдніе преимущественно тамъ, гдѣ ящерицы.

За весь этотъ день растеній не было собрано, такъ какъ мы на станціяхъ не останавливались.

Мѣстность, начиная отъ Гузара, постепенно подымается, появляются многочисленныя стада кочевниковъ, и вообще вся мѣстность принимаетъ горный характеръ.

За этотъ день мы проѣхали 96½ верстъ; особенно послѣдній перегонъ отъ Тенгихорама до Сарай-Акъ-рабата (28 в.), былъ утомительный. Дорога перерѣзана многочисленными горными ручьями и почти сплошь усѣяна камнями (два условія не очень пріятныя для ѣзды въ безрессорной повозкѣ), къ тому же горячія лошади и наступившая ночь, не позволяющая видѣть дороги: можно себѣ представить, какъ насъ встряхивало на этомъ пространствѣ при бѣшенной ѣздѣ нашего „лихого ямщика“.

Пріѣхали мы въ Сарай-Акъ-рабатъ уже поздно ночью и на слѣдующій день, за неимѣніемъ свободныхъ почтовыхъ лошадей, лишь въ третьемъ часу могли отправиться дальше. У самой станціи растительность весьма жалкая, частью сама по себѣ, частью потому, что здѣсь пасли скотъ. Только на обрывѣ у рѣченки (Акъ-рабатъ-су) было довольно много Crocus Korolkowi, Corydalis sp., Eranthis longistipitata.

Въ этотъ день (почтовый) мы проѣхали только одинъ перегонъ, т.-е. до Дербента, гдѣ и заночевали. У самаго Дербента растительности не было почти никакой. Недалеко отъ станціи на высокомъ берегу рѣки находятся развалины какой-то древней мечети; уцѣлѣли отчасти стѣны и одна арка довольно высокихъ воротъ. Замѣчательно, что не-смотря на то, что отъ свода уцѣлѣлъ лишь *одинъ* рядъ кирпича, онъ

тѣмъ не менѣе еще настолько крѣпокъ, что по немъ можно свободно ходить и, какъ мнѣ говорилъ станціонный староста, ему никакъ не удалось отбить отъ него ни одного кирпича.

Протекающая здѣсь же довольно быстрая рѣчка имѣетъ горько-соленую воду, для питья непригодную, но тутъ же на противоположномъ берегу имѣется родникъ совершенно прѣсной воды. Ключъ выходитъ, какъ мнѣ показалось, изъ красныхъ песчаниковъ и образуетъ у своего выхода нѣчто въ родѣ маленькаго резервуара, изъ котораго и черпаютъ воду. Вода притекаетъ довольно медленно, такъ что ее легко можно всю вычерпать.

Дербентъ лежитъ довольно высоко [1]) и считается здоровымъ мѣстомъ, куда посылаютъ на поправленіе здоровья больныхъ и лихорадочныхъ солдатъ. Однако станціонный староста и его жена уже нѣсколько мѣсяцевъ страдали лихорадкой.

Дальнѣйшій путь до Сайроба ничего интереснаго изъ себя не представляетъ,—дорога по прежнему пролегаетъ между горъ, развѣ только поровнѣе.

Черезъ кишлакъ Сайробъ протекаетъ небольшой ручей, вытекающій изъ скалы. У мѣста выхода его образовалась какъ бы запруда; здѣсь водится масса рыбы (какъ мнѣ говорили—маринка), которую сарты постоянно кормятъ хлѣбомъ; ловить ихъ не разрѣшается, такъ какъ онѣ посвящены мѣстному святому. Сайробъ также замѣчателенъ своими огромными чинарами. Отъ Сайроба дорога немного сворачиваетъ на востокъ и до Ширабада идетъ вдоль рѣки Ширабадъ-дарьи.

На станціи Ляйляканъ намъ пришлось немного дожидаться лошадей, такъ что мы могли позаняться сборомъ, сравнительно разнообразной здѣшней растительности. Здѣсь были собраны: Capsella bursa pastoris, Alyssum desertorum, Sisymbrium Sophia, Sisymbrium pumilum, Malcolmia africana, Chorispora tenella, Spinacia tetrandra, Lithospermum arvense, Astragalus filicaulis, Trigonella grandiflora, а въ Ширабадъ-дарьѣ, здѣсь протекающей, Heleocharis palustris.

Несмотря на то, что мы прибыли въ Ширабадъ около полуночи, намъ тѣмъ не менѣе пришлось (въ виду того, что пассажирская комната была занята) проколесить еще 30 верстъ

---

[1]) Какъ мнѣ говорилъ станціонный староста, снѣгъ лежитъ на окружающихъ горахъ до середины іюля.

до станціи Ангоръ, куда мы прибыли въ 4 ч. утра и тамъ „заночевали“.

У Ширабада кончаются горы, и дальнѣйшій путь до Термеза тянется уже по однообразной глинисто-песчаной степи. Только южнѣе Ангоръ, и почти до дороги, которая тянется вдоль Аму-дарьи, простираются верстъ на 10—15 пески, мѣстами поросшія верблюжьей колючкой.

Верстъ за 6 отъ современнаго Термеза, у самой дороги, одиноко возвышается башня — свидѣтель величія древняго Термеза. Наконецъ, проѣхавъ мимо небольшаго, но уже съ многочисленными крестами кладбища, мы въѣхали въ самый Термезъ и тѣмъ закончили первую часть своего путешествія.

Благодаря широкой гостепріимности господъ туркестанцевъ, мы въ Термезѣ остановились у доктора Нилендера и пользовались его любезностью во все время нашего пребыванія въ этомъ городѣ, до дальнѣйшаго слѣдованія въ бухарскихъ владѣніяхъ.

Урочище Термезъ возникло въ послѣднее десятилѣтіе и обязано своимъ существованіемъ небольшой крѣпости того же названія, сооруженной тутъ же рядомъ. Построено оно приблизительно на разстояніи $1\,^1/_2$ версты отъ Аму-Дарьи и почти рядомъ съ сартовскимъ городомъ Патта-Гиссаръ. Все урочище окружено кирпичною стѣною [1]) и имѣетъ нѣсколько воротъ; улицы въ немъ широкія (главная шоссирована), дома одноэтажные, кирпичные и почти всѣ казенные. Населеніе состоитъ почти исключительно изъ солдатъ и офицеровъ съ ихъ семействами. Вся торговля и всѣ лавки, за немногими исключеніями, сосредочены въ Патта-Гиссарѣ, гдѣ имѣется базаръ и цѣлый рядъ русскихъ лавокъ, или вѣрнѣе, армянскихъ, еврейскихъ и персидскихъ.

До послѣдняго 1906 года, Термезъ пользовался водой, привозимой изъ Аму-Дарьи, а также водою колодцевъ. Но осенью 1905 г. былъ законченъ, большой 18-верстный арыкъ, и съ весны 1906 г. вода проводится этимъ арыкомъ изъ Сурхана и бѣжитъ по мелкимъ арычкамъ вдоль улицъ Термеза, напоминая этимъ Самаркандъ.

Передъ поступленіемъ въ арыкъ, мутная, глиносодержащая

---

[1]) Только со стороны крѣпости стѣны нѣтъ, а взамѣнъ нея устроены проволочныя загражденія.

вода просвѣтляется въ такъ называемомъ осадочномъ бассейнѣ, нѣчто въ родѣ озера.

Ближайшія окрестности Термеза къ С. и С. З. представляютъ собою цѣлый рядъ развалинъ, уже сильно занесенныхъ песками [1]).

Познакомившись съ нѣкоторыми офицерами, мы получили возможность сдѣлать маленькую, на 2 недѣли, экскурсію съ охотн. командой (14-го Туркест. Бат.) вдоль Аму-Дарьи, до невысокихъ горъ Кайки-тау. Одновременно брату моему Г. Моррену предложили ѣхать съ другой охотничей командой, на такой же срокъ въ Гиссаръ.

Охотничья команда, съ которой я отправлялся, намѣревалась поохотиться на кабановъ, но, не будучи охотникомъ, я преслѣдовалъ другія цѣли, именно сборы растеній и насѣкомыхъ этихъ интересныхъ мѣстъ.

Пріѣхавъ въ Термезъ 19-го марта послѣ обѣда, я уже 21 выѣзжалъ изъ него и въ сообществѣ офицера охотничей команды, отправился на востокъ. Для большей свободы рѣшено было отправиться пѣшкомъ, взявъ съ собою 2 лошади подъ арбы съ провизіей и одну верховую.

Въ виду разныхъ обстоятельствъ мы (офицеръ и я) могли выѣхать изъ Термеза лишь послѣ обѣда, а т. к. солдаты выступили уже рано утромъ, то пришлось догонять ихъ верхомъ.

До Сурханъ-Дарьи дорога тянется по глинисто-песчаной равнинѣ, усѣянной многочисленными развалинами и поросшей невысокимъ кустарникомъ.

Переправившись черезъ эту рѣку на большой желѣзной баржѣ пограничной стражи, мы продолжали путь сначала по культурнымъ полямъ, затѣмъ по пескамъ и наконецъ вдоль Аму-Дарьи.

Культурныя поля мѣстами представляли весьма оригинальный видъ; они часто на большомъ разстояніи покрыты сотнями невысокихъ, глиняныхъ башенокъ, высотою приблизительно въ 1 саж., и служащихъ какъ-бы наблюдательными пунктами за полемъ и постами для спугиванія воробьевъ и другихъ птицъ, особаго рода кнутами.

Догнавъ своихъ охотниковъ близъ озера Тузлакъ-куль, мы дальнѣйшій путь уже продолжали пѣшкомъ.

---

[1]) О развалинахъ будетъ сказано ниже.

600

Вечеромъ остановились на берегу Аму-Дарьи недалеко отъ поста пограничниковъ Орлиное. Берегъ въ этомъ мѣстѣ лессовый, довольно высокій, сажени въ 1—2 и спускается къ рѣкѣ отвѣсною стѣною.

Тутъ же на берегу масса гребенщика, Tamarix, на корняхъ котораго начинала выползать Cistanche salsa, въ видѣ толстыхъ, багрово-красныхъ почекъ.

На слѣдующій день (22 марта) въ 5 ч. утра, еще до восхода солнца мы отправились дальше.

Несмотря на то, что берегъ здѣсь, какъ и прежде, довольно высокъ, намъ въ началѣ часто попадались заросли камыша; но потомъ, свернувъ немного на сѣверъ, подальше отъ Аму-Дарьи, мы пошли черезъ пески Ходжа-Гальсуаръ, съ совершенно иною растительностью. Здѣсь попадались Iris falcifolia Bge, группами встрѣчалась Arnebia cornuta, Poa bulbosa, масса Carex physodes, нѣсколько видовъ мотыльковыхъ и довольно значительные кусты Zygophyllum atriplicoides; вообще пески здѣсь мѣстами уже довольно хорошо закрѣплены.

Близъ пограничнаго поста Хатынъ-рабатъ, мы остановились пить чай. Здѣсь Аму-Дарья образуетъ маленькія заводи, густо поросшія камышемъ и изобилующія разными дикими утками и фазанами.

Отсюда до слѣдующаго поста, Овражнаго, мы все время шли по ровной, лёссовой равнинѣ. Растительность здѣсь низкая, кустарниковъ почти совсѣмъ не видать, и состоитъ она изъ Goldbachia laevigata, Arnebia cornuta, Hypogomphia Turkestanica, Astsagalus filicaulis, Koelpinia linearis, Malcolmia Bungei, Lithospermum arvense и Ixiolirion tataricum (мало).

Сдѣлавъ за этотъ день 32 версты, мы, какъ и въ предыдущій день, около 5-ти часовъ вечера расположились лагеремъ на ночлегъ у самой Аму-Дарьи.

На слѣдующій день (23-го) уже въ 5 ч. мы были въ дорогѣ. Недалеко отъ пограничнаго поста находится оврагъ, вслѣдствіе чего и постъ названъ „Овражнымъ“. Оврагъ глубиной около 3—4 саж. и представляетъ изъ себя русло высохшаго ручья. Дальше дорога становится труднѣе, такъ какъ часто встрѣчаются пески и мѣстность немного холмиста. Растительность та же, что и отъ Хатынъ-Рабата, прибавились: Delphinium rugulosum, Papaver paxoninum Schr., Scorzonera

acrolasia, а на пескахъ Carex stenophylla Wahlg. и масса верблюжьей колючки, сухіе, прошлогодніе кусты которой въ большомъ количествѣ валялись во всѣхъ углубленіяхъ мѣстности. Солдаты нашей команды нерѣдко забавлялись, зажигая такіе шарообразные кусты и пуская ихъ катиться по вѣтру или по склонамъ горъ, что въ темную ночь весьма эффектно.

Къ вечеру мы наконецъ остановились къ сѣверо-востоку отъ горъ Кайки-тау на равнинѣ и отсюда въ послѣдующіе дни совершали экскурсіи въ горы.

На слѣдующій день (24 марта) всѣ охотники съ утра отправились въ горы, а я занялся сушкой собранныхъ по дорогѣ растеній и сборомъ довольно скудной растительности песчаной равнины, насъ окружавшей.

25-го захвативъ все нужное для сбора растеній и на всякій случай ружье, я вмѣстѣ съ охотниками отправился въ горы. По крутому склону, взобравшись на самыя горы, охотники наши по двое разбрелись по ущельямъ. Но въ этотъ день недолго пришлось намъ побыть въ горахъ: солнце спряталось за тучи и нависъ такой густой туманъ, что едва можно было различить ближайшіе предметы. Предчувствуя недоброе, мой спутникъ поторопился спуститься въ долину и поспѣшилъ къ нашей стоянкѣ. Только-что мы (офицеръ и я), вышли на равнину, какъ подулъ рѣзкій холодный вѣтеръ и пошелъ дождь. Придя къ палаткѣ, мы нашли ее разбитой вѣтромъ, и всѣ наши усилія снова поставить ее не увѣнчались успѣхомъ; въ добавокъ вскорѣ всю ее затопило водой, и волей неволей пришлось перебраться въ общую солдатскую палатку, стоявшую на болѣе высокомъ мѣстѣ.

Между тѣмъ вѣтеръ все крѣпчалъ, температура опустилась, дождь смѣнился снѣгомъ и не на шутку пришлось опасаться за участь оставшихся въ горахъ охотниковъ. Наконецъ черезъ часъ томительнаго ожиданія, вернулись сначала 4, а потомъ, за исключеніемъ двоихъ, и остальные охотники. Несчастные на половину замерзли и лишь съ трудомъ нашли нашъ лагерь при помощи сигналовъ, которые мы имъ подавали ружейными выстрѣлами.

Между тѣмъ погода не успокаивалась и на спасеніе двухъ оставшихся въ горахъ охотниковъ не оставалось никакой надежды, тѣмъ болѣе, что оба были молодые солдаты, совсѣмъ незнакомые съ мѣстными условіями.

602

Около 6-ти часовъ вечера снѣгъ снова смѣнился дождемъ, но отъ этого намъ было не легче, огня развести нельзя было, и мы всѣ, мокрые и продрогшіе, кой-какъ лежали въ тѣсной и сырой палаткѣ, которая того и гляди могла обрушиться на насъ. Къ тому же у неѣвшихъ съ утра солдатъ разыгрался аппетитъ и дошло до того, что вытащили изъ грязнаго ведра полусварившуюся голову кабана, предназначенную для собакъ и такъ усердно принялись за нее, что несчастнымъ собакамъ не оставили даже твердаго, какъ тройная подошва сапогъ, кабаньяго носа. Кстати сказать наши собаки въ этотъ день проявили замѣчательное миролюбіе,—онѣ не только не грызлись, но во время бурана даже всѣ лежали кучно, а въ замѣнъ съѣденной нами кабаньей головы уничтожили лошадиную сбрую изъ сыромятной кожи, оставивъ въ доказательство сего лишь желѣзныя части ея.

Наконецъ около 2-хъ часовъ ночи, пробушевавъ полъ сутокъ, буранъ наконецъ стихъ и стало проясняться. На слѣдующій день погода стояла чудная и, высушившись у костра и попивъ горячаго чаю, всѣ отправились въ поиски за пропавшими товарищами; но въ этотъ день, какъ и въ слѣдующіе, всѣ старанія оказались тщетными [1]).

У Кайки-тау мы остались до 30-го апрѣля, и я ежедневно экскурсировалъ въ горы или на равнинѣ, собирая растенія и насѣкомыхъ.

Горы Кайки-тау составляютъ южное продолженіе Баба-тага и состоятъ, какъ и онъ самъ, изъ песчаниковъ. Весь кряжъ перерѣзанъ довольно глубокими поперечными долинами, наполненными булыжниками всевозможной величины, мѣстами далеко вынесенные весенними водами на равнину, за предѣлы кряжа. Во многихъ мѣстахъ выступаютъ голыя скалы изъ песчаника, а крутыя стѣны долинъ имѣютъ обыкновенно лишь бѣдную растительность; въ остальномъ горы вездѣ покрыты болѣе или менѣе сплошнымъ растительнымъ ковромъ, съ отдѣльными кустами и деревцами изъ Ephedra foliata var. ciliata, Zygophyllum atriplicoides, Pistacia vera, Amygdalus spinosissima и Salsolaceae. Травянистая же растительность въ началѣ, какъ и вездѣ до сихъ поръ, была довольно скудная,

---

[1]) Впослѣдствіи я узналъ, что одного изъ нихъ на 10-тые сутки нашли убитымъ, судьба же второго неизвѣстна.

но послѣ вышеупомянутаго снѣжнаго бурана, когда выпала масса влаги (до этого было сухо), растительность появилась въ такомъ количествѣ, что склоны горъ мѣстами представляли изъ себя настоящіе цвѣтники. Преобладающими являлись Papaver pavoninum и Roemeria rhoeadiflora, мѣстами такъ густо покрывавшіе огромныя пространства, что даже на близкомъ разстояніи вся мѣстность казалась красной отъ ихъ цвѣтовъ.

Нерѣдко они появлялись даже среди снѣжныхъ полянъ выпавшаго во время бурана снѣга, и тѣмъ самымъ представляли странный контрастъ зимы и лѣта. Также довольно часто встрѣчались Arnebia cornuta, Cryptospora falcata, Crambe Kotschyana, Leptaleum filifolium, Isatis Boissieriana и болѣе рѣдко Eremurus Alberti и Eremostachys labiosa. Всего здѣсь мной собрано около 50-ти №№.

Совсѣмъ иного характера растительность равнины, тутъ въ пескахъ встрѣчались Carex physodes, Poa bulbosa, какой-то кустарниковый астрагалъ, Arnebia cornuta, Malcolmia Bungei, Koelpinia linearis, а вдоль арыковъ съ обѣихъ сторонъ тянутся камыши.

30-го марта мы тою же дорогой отправились въ обратный путь и 1-го апрѣля при отвратительно холодной и дождливой погодѣ возвратились въ Термезъ, гдѣ пробыли до 10 апрѣля.

Наконецъ 10-го апрѣля, запасшись всѣмъ необходимымъ для дальнаго пути, а также и переводчикомъ, мы могли приступить къ главной и наиболѣе интересной части нашего путешествія, именно къ путешествію по бухарскимъ бекствамъ Ширабадъ, Кабадіанъ, Курганъ-Тюбе, Кулябъ, Бальджуанъ, Гиссаръ и Денау.

Около 11-ти часовъ утра намъ привели лошадей и нужно было начать укладываться. Сборы въ дальній путь всегда бываютъ хлопотливы, а тѣмъ болѣе при нашей неопытности. Къ счастью нашъ чиновникъ Миръ-Абдулла былъ человѣкъ привычный и, благодаря его старанію, во второмъ часу можно было двинуться въ путь. Но вотъ передъ самымъ выѣздомъ мы замѣтили крупное неудобство; наши обѣ лошади (для меня и для брата) оказались безъ сѣделъ. Нашъ чиновникъ почему-то вообразилъ, что у насъ свои сѣдла и о нихъ не позаботился. Между тѣмъ время было позднее, надо было торопиться въ путь, а потому тратить время на поиски сѣделъ было нельзя.

Назаровъ, мой переводчикъ, предоставилъ мнѣ свою лошадь, а брату устроили что-то въ родѣ сѣдла изъ куржума (вьючные перекидные мѣшки).

Наконецъ, уладивъ послѣднія дѣла и попрощавшись со знакомыми, мы выступили изъ Термеза.

Небольшой нашъ караванъ состоялъ изъ семи человѣкъ: насъ двоихъ, т.-е. меня съ братомъ, бухарскаго чиновника Миръ-Абдулла (въ чинѣ мирза-боши) [1]), его брата Миръ-Русмана, взятаго чиновникомъ въ качествѣ конюха, молодого самаркандскаго персіянина переводчика, Рассолъ Назарова и двухъ проводниковъ.

Вьючныхъ лошадей у насъ было 2, а позднѣе 3. Этотъ наименьшій постоянный составъ нашего каравана часто увеличивался вслѣдствіе примыканія къ нему добавочныхъ чиновниковъ и проводниковъ, а при встрѣчахъ, которыя намъ вездѣ устраивали, составъ его возрасталъ иногда даже втрое.

Изъ Термеза мы направились на сѣверъ. Сначала дорога идетъ верстъ на пять между развалинами древняго Термеза, послѣ чего начинается поросшая жиденькой травянистой растительностью степь. Эта послѣдняя близъ Сали-абада постепенно переходитъ въ пески Патта-кумъ, которые по правому берегу Сурхана тянутся приблизительно верстъ на 50.

На 18-й в. отъ Термеза находится осадочный бассейнъ и тутъ же голова термезскаго арыка или начало его. Сурханъ здѣсь довольно широкъ, около 1/4 версты; правый берегъ лёссовый, довольно высокій и совершенно отвѣсный. На сухомъ высокомъ берегу растительности нѣтъ ровно никакой, зато всѣ острова Сурхана и немногочисленные заводи его сплошь поросли камышемъ.

Пески Патта-кумъ тянутся широкой полосой (около 10 в.) по правому берегу Сурхана и мѣстами образуютъ довольно большіе барханы. Растительность рѣдкая, состоитъ главнымъ образомъ изъ Carex physodes, Poa bulbosa и верблюжьей колючки, хотя мѣстами попадаются довольно много Tamarix съ паразитирующими на ихъ корняхъ крупными Cistanche salsa.

Уже было совершенно темно, когда мы прибыли въ Джаръ-курганъ; здѣсь уже съ утра ожидала приготовленная для насъ

---

[1]) Въ переводѣ „мирза-боши“ означаетъ старшій писарь, хотя нашъ чиновникъ былъ совершенно неграмотенъ. Для подписи бумагъ и приказовъ онъ имѣлъ маленькій серебряный штемпелекъ которымъ и подписывался, предварительно помазавъ его тушью.

у амлекдаря комнатка, а въ ней столикъ со всевозможными сартовскими сластями, какъ-то: миндаль, фисташка, изюмъ, сартовская халва, какіе-то комочки муки, окатанные въ жиру и высушенные и старыя конфеты русскаго производства. Устроившись въ нашемъ новомъ временномъ жилищѣ возможно удобнѣе, мы поторопились попить чаю и лечь спать.

На слѣдующій день, чуть свѣтъ, меня разбудили рѣзкіе птичьи крики, раздававшіеся въ нашей комнаткѣ и къ великому моему удивленію, я замѣтилъ, что то были ласточки, которыя, нисколько не смущаясь нашимъ присутствіемъ, заботились о своихъ семейныхъ дѣлахъ, въ свитомъ здѣсь же гнѣздѣ.

Прирученность этихъ птицъ объясняется тѣмъ, что сарты считаютъ „калдергача“, т.-е. ласточку, священной и всячески покровительствуютъ ей, устраивая для нея въ каждой хижинѣ входы и иногда даже подставки для гнѣздъ, какъ то было у бекчи въ Кокайтахъ. Нерѣдко впослѣдствіи приходилось видѣть, какъ ласточки влетали и вылетали изъ жилищъ черезъ двери, даже въ томъ случаѣ, когда стоишь на порогѣ и почти совсѣмъ загораживаешь входъ. При этомъ замѣчательна ихъ способность пролетать черезъ узкія отверстія: на полномъ лету онѣ сразу складываютъ крылья, въ силу инерціи пролетаютъ препятствіе и, снова распустивъ ихъ, продолжаютъ полётъ.

Небольшое помѣщеніе нами занимаемое, какъ и всѣ бухарскія постройки, было слѣплено изъ глины. Способъ постройки весьма простъ: такъ какъ почва вездѣ почти лессовая, то гдѣ-нибудь по близости вырываютъ яму и, смѣшавъ выкопанную глину съ мелко нарѣзанной соломой и водой, получаютъ тѣстообразную массу, которая прямо и идетъ въ дѣло. Для большей прочности въ стѣнахъ на разныхъ высотахъ дѣлаютъ прослойки изъ хвороста, а для поддержки плоской, сдѣланной изъ той-же глины крыши, накладываютъ нѣсколько балокъ изъ тополя, покрытыхъ вѣтвями или тростникомъ. Постройки такія, въ виду дороговизны лѣса, весьма практичны и, при незначительномъ ежегодномъ ремонтѣ, могутъ продержаться нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Оконъ въ нашемъ смыслѣ слова здѣсь нѣтъ, онѣ замѣнены отверстіями, вырѣзанными въ стѣнѣ, начиная съ пола, съ закрывающими дверцами, или же отверстіями, вырѣзаннымн надъ дверьми и залѣпленными просвѣчивающей бумагой. Всѣ окна

за рѣдкими исключеніями выходятъ на дворъ, который обыкновенно довольно большой и имѣетъ цѣлый рядъ вбитыхъ въ землю кольевъ для привязи лошадей. Кромѣ того, у болѣе зажиточныхъ бухарцевъ на дворѣ обыкновенно устроенъ маленькій, густо обсаженный карагачами и чинарами, бассейнъ съ водою—гауз, у котораго и проводится свободное отъ занятій время.

Внутреннее устройство жилищъ представляетъ собой, если не считать ковровъ, или кусковъ войлока, которыми усланъ полъ, пустое помѣщеніе; мебели бухарцы никакой не признаютъ, а тѣ 2—3 стула и миніатюрныя низкія подобія столовъ [1]), которыя у нихъ иногда имѣлись, предназначены исключительно для русскихъ гостей. Все свое небольшое, состоящее главнымъ образомъ изъ халатовъ, имущество, бухарцы сохраняютъ въ яхтанахъ, т.-е. кожаныхъ, мѣстной работы сундукахъ, приспособленныхъ для вьюка.

Таковы въ общихъ чертахъ жилища бухарцевъ, насколько мнѣ удалось ихъ разсмотрѣть въ $1^1/_2$ мѣсячномъ путешествіи.

Кишлакъ Джаръ-курганъ находится на нѣкоторомъ разстояніи отъ Сурхана (приблиз. 2 версты) и своею густою зеленью урюка и карагача представляетъ рѣзкій контрастъ съ окружающими его песками. Непосредственно за строеніями кишлака тянется полоса культурныхъ полей, перерѣзанная арыками, а за ней слѣдуютъ тощія пастбища, которыя постепенно переходятъ въ сыпучіе пески Патта-кумъ. По всей вѣроятности въ зависимости отъ близости песковъ, и слѣдовательно сухости воздуха, растительность Джаръ-кургана ютится главнымъ образомъ вдоль арыковъ. Изъ 27 №№ собранныхъ растеній большая часть состоитъ изъ наиболѣе обыкновенныхъ видовъ, а также и сорной Sisymbrium Sophia, болѣе рѣдко попадались Ixiolirion tataricum, Goldbachia laevigata и Malcolmia africana.

Вернувшись съ экскурсіи и убравъ растенія, мы стали обѣдать. Въ этотъ разъ, какъ и всегда въ послѣдствіи, обѣдъ состоялъ изъ куринаго бульона съ курицей и огромной порціи плова, т.-е. жирнаго риса съ кусочками баранины. Въ болѣе богатыхъ кишлакахъ и у бековъ съ утреннимъ чаемъ иногда

---

[1]) Иногда попадались столы наскоро сколоченные изъ створокъ дверей, и это даже въ такомъ сравнительно большомъ центрѣ какъ Кабадіанъ.

подавали молоко и молочный рисъ съ топленымъ масломъ (саломъ), а къ обѣду прибавляли еще третье блюдо—кавардакъ, представляющее изъ себя кусочки баранины, жаренные и плавающіе въ салѣ вмѣстѣ съ кусочками чурека или мѣстнаго хлѣба. Этотъ послѣдній дѣлается здѣсь исключительно прѣсный, причемъ печется въ видѣ блиновъ, иногда маленькихъ и тогда толщиною въ палецъ, а иногда въ $^3/_4$ аршина діаметромъ и толщиною въ $^1/_4$ см. Такой хлѣбъ для дороги весьма удобенъ, онъ не крошится, его можно не ломая складывать хоть десять разъ [1]), но по вкусу—хлѣбъ этотъ очень не важенъ.

Ѣдятъ бухарцы руками и никакихъ вилокъ и ножей при ѣдѣ не употребляютъ, если эти послѣдніе у нихъ иногда и имѣются, то опять только для русскихъ гостей, причемъ они зачастую бываютъ столь неаппетитны, что мы не всегда рѣшались ими ѣсть и нерѣдко давали предпочтеніе своимъ собственнымъ ложкамъ. Въ довершеніи всего мы однажды увидѣли, какъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ преспокойно чесалъ себѣ вилкой бороду, говоря, что только русскіе ѣдятъ гребенками (такъ называлъ онъ вилку), а они бухарцы, ими причесываются.

Послѣ обѣда надо было отправляться дальше: подали лошадей (настоящія клячи), навьючили ихъ, и попрощавшись съ амлекдаремъ, мы тронулись въ путь. На этотъ разъ лошади наши были осѣдланы; но для непривычнаго къ бухарскимъ сѣдламъ человѣку ѣзда на нихъ представляетъ не мало неудобствъ; главное то, что стремена настолько коротки, что сидишь на лошади какъ на корточкахъ и принужденъ балансировать; удлинить же ихъ возможно только въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ ремни стремянъ не расчитаны для русскихъ ѣздоковъ. Въ началѣ мы нерѣдко въ видѣ отдыха бросали стремена и ѣхали безъ нихъ, но черезъ нѣсколько дней мы къ этому привыкли, и бухарскія сѣдла нетолько насъ не страшили, но до нѣкоторой степени мы ихъ находили даже удобными.

Изъ Джаръ-кургана мы 11 апрѣля направились на сѣверъ,

---

[1]) Замѣчу, что въ своихъ „Лѣтнія поѣздки натуралиста“ А. М. Никольскій говорилъ, что чуреки „столько же пригодны для ѣды, какъ и для употребленія вмѣсто салфетокъ“.

сначала по обычной песчаной дорогѣ, а потомъ, свернувъ немного на востокъ, мы уже ѣхали вдоль Сурхана. Берегъ Сурхана въ этомъ мѣстѣ низкій, мѣстами даже топкій и покрытъ въ то время года еще невысокимъ камышемъ и другими злаками тугайной флоры. У мѣста переправы насъ ожидалъ кокайтинскій бекча со своей свитой и послѣ обычныхъ привѣтствій начали переправляться.

Сурханъ здѣсь не очень широкъ (около 150 саж.), но вода, вслѣдствіе огромнаго содержанія глины, свѣтло-желтаго цвѣта и совершенно не прозрачна, теченіе настолько быстрое, что вода клокочетъ, и вся рѣка имѣетъ видъ потока жидкой глины.

Размѣстившись вмѣстѣ съ тремя лошадьми въ большомъ, трехъ-саженномъ каюкѣ (баржѣ, грубой мѣстной работы), мы оттолкнулись отъ берега и, отпихиваясь шестами, стали подвигаться къ противоположному берегу. Само собой разумѣется, что при такомъ способѣ переправы, теченіе относитъ на изрядное разстояніе и на противоположномъ берегу мы очутились по крайней мѣрѣ на версту ниже мѣста отправленія.

Здѣсь насъ поджидали уже свѣжія лошади и, проѣхавъ долину Сурхана, имѣющую здѣсь почти версту ширины, мы взобрались на древній, болѣе высокій берегъ этой рѣки, на которомъ и расположенъ кишлакъ Кокайты.

По внѣшнему виду Кокайты ничѣмъ не отличается отъ Джаръ-Кургана. Тѣ же маленькія, глинобитныя мазанки, тѣ же однообразныя, слѣпленныя изъ той же глины стѣны вдоль улицъ и та же любезность со стороны начальства. Да и растительность, за близостью и однородностью условій, ничѣмъ не отличается отъ имѣющейся въ Джаръ-Курганѣ; прибавились только: Fumaria Vaillantii (въ большомъ количествѣ), Trigonella orthoceras, Erodium cicutarium, Sisymbrium Loëselii, Malcolmia Bungei и Astragolus filicaulis.

На слѣдующій день (12 апр.) мы отправились далѣе на востокъ, по направленію къ Кабадіану. Такъ какъ дорога шла черезъ южные отроги Баба-тага, а этотъ послѣдній являлся одной изъ главныхъ цѣлей моего путешествія, то я рѣшилъ провести въ этой мѣстности цѣлый день, чтобы обстоятельнѣе познакомиться съ ея флорой.

Изъ Кокайтовъ намъ дали юрту и людей. Выбравъ приблизительно на полъ-пути до Кабадіана (близъ Тивакъ-тау)

мѣстность съ пышной растительностью, мы тутъ и остановились.

Ближе къ Кокайтамъ мѣстность совершенно равнинная, и лишь по мѣрѣ удаленія на востокъ появляются сначала небольшіе, а потомъ и болѣе высокіе холмы, переходящіе на востокъ въ песчаниковую гряду, исходящую отъ Баба-тага. Вмѣстѣ съ поднятіемъ мѣстности измѣняется и растительность. Рѣдкая и однообразная на равнинахъ близъ Кокайтовъ, она по мѣрѣ удаленія на востокъ становится пышной и густой. Преобладающими растеніями являлись Malcolmia Bungei и Astragalus filicaulis, которыя мѣстами такъ густо покрывали огромныя пространства (преимущественно долины между холмами), что склоны холмовъ казались совершенно лиловыми [1]). Но рядомъ съ этимъ встрѣчалась и цѣлая масса другихъ растеній, растущихъ то небольшими группами, какъ-то: Ixiolirion tataricum, Arnebia cornuta, Echinospermum echinophorum, Goldbachia laevigata, Leptaleum filifolium, Hypogomphia Turkestanica, Trigonella grandiflora, Koelpinia linearis, Allium, или въ разбросъ, какъ-то: Poa bulbosa, Roemeria rhoeadiflora, Scorzonera acrolasia, Papaver pavoninum, Cryptospora falcata, Heliotropium lasiocarpum, Pyrethrum umbelliferum, Ranunculus leptorrhynchus, Garhadiolus papposus и Spinacia tetrandra; деревъ и кустарниковъ совсѣмъ не было видно и вообще, хотя вся мѣстность и носитъ сильно холмистый характеръ, но все же по характеру растительности она здѣсь, у Тивакъ-тау, приближается скорѣе къ мѣстностямъ степнымъ.

Это обиліе растительности привлекаетъ сюда массу кочевниковъ. Во время весны и въ началѣ лѣта они кочуютъ по холмистому предгорью Баба-тага, а лѣтомъ, когда болѣе низкія мѣста выгораютъ и измѣняются до неузнаваемости, то, какъ мнѣ передавали, они сгоняютъ свои стада на болѣе высокіе горные луга. Встрѣченныя мною стада состояли здѣсь исключительно изъ курдючныхъ барановъ, нерѣдко весьма крупныхъ размѣровъ, а также немногихъ козъ. Стада въ 5—6 тысячъ головъ, принадлежащихъ одному хозяину, здѣсь не рѣдкость.

Несмотря на такое богатство, владѣльцы ихъ по внѣш-

---

[1]) Размѣрами своими Astragalus filicaulis, встрѣчаемый здѣсь, на много превосходилъ растущій въ Кайки-тау.

нему виду ничѣмъ не отличаются отъ бѣдняковъ; они въ обычное время точно такъ же ходятъ въ ободранныхъ халатахъ и точно такъ же сами присматриваютъ за своими стадами; единственная роскошь богача заключается въ томъ, что заведетъ онъ себѣ лишнюю жену, да лошадь будетъ имѣть получше. Но несмотря на то, что въ нормальномъ состояніи стадо возрастаетъ ежегодно на 50%, случается, что на барановъ найдетъ моръ, и тогда за какіе-нибудь полъ-года богачъ лишается большей части, а иногда даже и всего своего имущества [1]).

Какъ уже было сказано, юрта наша была расположена на цвѣтущихъ холмахъ Тивакъ-тау, и хотя тутъ и не устроили намъ пышной встрѣчи, и мы не пользовались всѣми „удобствами“ въ родѣ столовъ, стульевъ и пр., имѣющихся въ болѣе крупныхъ центрахъ, тѣмъ не менѣе (и даже въ силу этого) мы чувствовали себя здѣсь прекрасно. Съ ближайшаго кочевья намъ принесли чуреки, баранину, баранье молоко и катыкъ (простокваша), и, не будучи стѣснены любезностью домохозяевъ, мы пользовались совершенной свободой среди чудной природы. Единственнымъ стѣсненіемъ, если можно это такъ назвать, было то, что экскурсировать безъ проводника являлось невозможнымъ: всѣ холмы настолько похожи другъ на друга и настолько испещрены по всѣмъ направленіямъ тропинками, что безъ основательнаго знакомства съ ними, никакъ не выберешься изъ этого безлюднаго лабиринта.

13-го апрѣля во-второмъ часу мы распрощались съ привѣтливыми холмами и отправились въ Кабадіанъ. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались на востокъ, холмы постепенно повышались, стали появляться песчаниковыя обнаженія, и мы вступили въ отроги Баба-тага, которые здѣсь, судя по растительности и общему характеру, ничѣмъ замѣтно не отличаются отъ горъ Кайки-тау.

Приблизительно верстъ на 8 отъ Кафирниганъ-дарьи горы довольно быстро обрываются и образуется долина, шириною приблизительно версты въ 2, съ очень богатой флорой изъ предыдущихъ растеній + огромнаго количества Hypecoum

---

[1]) Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ разсказовъ чиновника и отъ переводчика.

pendulum. За этой долиной снова возвышаются горы (невысокаго кряжа Арыкъ-тау), которыя въ свою очередь круто спускаются въ долину Кафирнигана, имѣющую у этого берега версты $1^1/_2$ шириною. Большая часть долины и многочисленные острова рѣки густо поросли тугаемъ.

Около 6-ти часовъ вечера мы прибыли къ переправѣ у Кафирниганъ-дарьи, гдѣ, какъ и у Сурхана, насъ поджидалъ каюкъ (лодка).

Рѣка Кафирниганъ на много шире Сурхана, но почти столь же быстрая и ничуть не менѣе мутна. Помѣстившись въ каюкѣ со всѣмъ своимъ багажемъ и двумя лошадьми, мы начали переправу, по новому совсѣмъ для насъ способу. Дѣло въ томъ, что здѣсь мы не отпихивались шестами, какъ то было на Сурханѣ, а просто на просто переплыли рѣку на тройкѣ лошадей. Вмѣсто сбруи служили простыя веревки, привязанныя однимъ концомъ къ лодкѣ, другимъ къ гривамъ лошадей и, погоняя бѣдныхъ животныхъ громкими криками и размахиваніемъ руками, мы благополучно добрались до противоположнаго берега.

Несмотря на то, что Кабадіанъ находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Кафирниганъ-дарьей, тѣмъ не менѣе переправа находится не у самаго города, (если можно такъ называть этотъ большой кишлакъ), а на цѣлый бухарскій „ташъ“ (прибл. 8 в.) сѣвернѣе. Переправа заняла немало времени, а потому, когда мы двинулись въ дальнѣйшій путь къ Кабадіану, начинало уже темнѣть. Это послѣднее обстоятельство доставило намъ удовольствіе услышать довольно своеобразный концертъ шакаловъ, этихъ многочисленныхъ, но трусливыхъ животныхъ, которыхъ каждый путешественникъ по Средней Азіи слышалъ, но видѣть которыхъ удается лишь весьма рѣдко.

Въ Кабадіанъ мы прибыли около 9-ти часовъ вечера и остановились у самого бека, который въ тотъ же вечеръ пришелъ къ намъ съ визитомъ. Бекъ этотъ человѣкъ лѣтъ 40, весьма симпатичный, разговорчивый, веселый и по русски говоритъ только „здрасти“. Разговаривали мы съ нимъ при посредствѣ переводчика и въ теченіе 10 минутъ переговорили рѣшительно весь репертуаръ офиціальной бесѣды касательно цѣли нашей поѣздки, состоянія дорогъ, продолжительности путешествія и другихъ столь же мало интересныхъ вопросовъ.

Кабадіанъ представляетъ собою главный центръ кабадіанскаго бекства и служитъ резиденціей бека. Городомъ въ нашемъ смыслѣ этого слова его назвать нельзя, такъ какъ отъ обыкновеннаго кишлака онъ отличается только бо̀льшими размѣрами и постояннымъ базарчикомъ [1]). Но отличительнымъ признакомъ всякаго бекскаго города есть несомнѣнно небольшая крѣпость, въ которой живетъ самъ бекъ, и которая въ Кабадіанѣ служила квартирой и намъ. Построены эти крѣпостцы изъ той же неизмѣнной глины и по правиламъ укрѣпленія, на доминирующемъ пунктѣ, или въ видѣ „орлинаго гнѣзда“ на какой-нибудь скалѣ, или на подобіе рыцарскаго замка. Тамъ, гдѣ природныхъ возвышеній нѣтъ, какъ въ Кабадіанѣ, Курганъ-тюбе и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, они замѣнены высокими, сажени въ 4, искусственными, съ очень крутыми склонами, квадратными холмами, на которыхъ выстроены стѣны и постройки бекскаго жилища. Само собой разумѣется, что теперь эти укрѣпленія никакого значенія не имѣютъ, но въ прежнія времена, какъ мнѣ передавали, они были не безцѣльны.

Такъ какъ въ самой крѣпости ни малѣйшей растительности нѣтъ, то обыкновенно по близости устроенъ садъ съ плодовыми, тутовыми и другими деревьями, а также и небольшой бассейнъ съ водой, имѣющійся, какъ я уже говорилъ, у всѣхъ зажиточныхъ бухарцевъ. Здѣсь же обыкновенно находятся и помѣщенія для гостей.

Въ Кабадіанѣ, какъ я уже сказалъ, мы проживали у бека, т.-е. въ крѣпости; здѣсь намъ рядомъ съ помѣщеніями бека отвели достаточно просторную комнату съ прихожей, и мы устроились довольно удобно. Постояннымъ нашимъ гостемъ за всѣ $3^1/_2$ дня нашего здѣсь пребыванія былъ сынъ бека, веселый молодой человѣкъ, лѣтъ 14 — 15, недавно побывавшій въ Бухарѣ и теперь назначенный амлекдаремъ въ одномъ изъ кишлаковъ отцовскаго бекства. Цѣлый день сидѣлъ онъ у насъ со своимъ учителемъ и всячески старался угождать: то онъ принимался намъ помогать въ разборкѣ растеній, то указывалъ намъ на ихъ бухарскія названія, или наконецъ, не во время

---

[1]) Кромѣ ежедневной мелкой торговли, имѣются и особые базарные дни (два раза въ недѣлю), когда съѣзжаются съ товарами и жители окрестныхъ кишлаковъ.

разливалъ намъ чай. Но комичнѣе всего было, когда онъ въ отсутствіи переводчика начиналъ насъ о чемъ-либо распрашивать. Тѣ нѣсколько словъ по русски, которымъ онъ научился и тѣ немногія сартовскія слова которыя мы знали + мимика мало помогали дѣлу, и въ концѣ концовъ все же приходилось призывать на помощь моего Абдарасуля, какъ звали бухарцы переводчика Назарова.

Разъ въ день приходилъ къ намъ и самъ бекъ, причемъ всегда жаловался на то, что сильно устаетъ отъ работъ по постройкѣ новаго флигеля. Въ началѣ это было мнѣ непонятно, но когда я однажды замѣтилъ, какъ онъ самъ занимался лѣпкой своего дворца, то мнѣ стало ясно и его участіе въ работахъ.

Также привелось раза 2—3 видѣть въ этихъ занятіяхъ и нашего гостя, молодого амлекдаря, но всякій разъ онъ насъ стыдился и убѣгалъ; по всей вѣроятности, и тамъ заниматься ремесломъ не пристойно вельможѣ.

Въ Кабадіанѣ мы пробыли 3 дня, въ теченіе которыхъ мы усиленно занимались сборомъ и сушкой растеній. Экскурсировали мы какъ въ ближайшихъ окрестностяхъ города, такъ и на юго-востокъ, въ невысокихъ горахъ Ходжа-Козьянъ. Для экскурсій за городомъ мы обыкновенно нанимали лошадей и проводника и предварительно разъяснивъ ему, куда мы хотимъ ѣхать, отправлялись въ путь безъ переводчика, котораго оставляли для сушки растеній. Если же въ окрестностяхъ не было какой-либо спеціально интересующей насъ мѣстности, какъ напр., въ Курганъ-Тюбе, то мы просто просили насъ свезти туда, гдѣ имѣется „копъ гуль“ т.-е. много цвѣтовъ. При этомъ нерѣдко случалось, что приводили насъ въ такія мѣста, гдѣ почти совершенно растеній не было, или къ культурнымъ полямъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ приходилось сворачивать въ сторону и самому подыскивать мѣсто, болѣе подходящее для сбора растеній.

Изъ окрестностей Кабадіана наиболѣе интересными являются горы Ходжа-Козьянъ, которыя тянутся цѣпью къ югу, начиная немного восточнѣе Кабадіана и кончая почти у самой Аму-Дарьи. Горы эти не высоки и со стороны Кафирнигана начинаются сразу крутымъ подъемомъ. Растительность тутъ весьма богатая, разнообразная, но исключительно травянистая. Изъ 60 видовъ растеній, собранныхъ за время пребыванія въ

Кабадіанѣ, 44 изъ нихъ собраны на Ходжа-Козьянѣ, причемъ одинъ видъ Scrophularia Kabadianensis B. Fedtsch., является новымъ. Большинство растеній ютится на трудно доступныхъ мѣстахъ и между скалами, гдѣ распредѣлены безъ всякаго порядка. Здѣсь въ изобиліи встрѣчались Eremostachys labiosa, Arnebia cornuta, Malcolmia, Koelpinia linearis, Triticum orientale. Avena barbata, Hordeum, Allium, болѣе рѣдко встрѣчались Caccinia glauca, Tetracme puadricornis, Valerianella Szovitsïana, Psammogeton setifolium и Clypeola Ionthlaspi, а у подошвы горъ мѣстами довольно много Statice spicata и Scorzonera acrolasia. Изъ остальныхъ растеній, собранныхъ въ самомъ Кабадіанѣ и состоящихъ главнымъ образомъ изъ сорныхъ растеній, какъ то Sisymbrium Sophia, Trifolium repens и тому подобныхъ, заслуживаетъ вниманія Marsilia quadrifolia, являющееся новымъ для Туркестана. Кромѣ этой растительности, въ самомъ Кабадіанѣ много тутовыхъ деревъ, урюка, затѣмъ карагачъ (?) и чинары изъ, коихъ нѣкоторые весьма крупныхъ размѣровъ.

За все время нашего пребыванія въ Кабадіанѣ, погода стояла чудная, и сушка растеній шла столь успѣшно, что за эти $3^1/_2$ дня намъ удалось собрать и высушить около 1000 гербарныхъ листовъ растеній, которыхъ при посредствѣ бека и выслали прямо въ Термезъ.

Поблагодаривъ бека за его гостепріимство и снабдивъ его хининомъ (онъ просилъ у насъ нѣсколько облатокъ), мы напослѣдки сфотографировали его съ сыномъ и, выступивъ изъ Кабадіана, направились на востокъ.

Переваливъ по трудной и извилистой тропинкѣ черезъ сѣверную часть горъ Ходжа-Козьянъ, мы вступили въ холмистую область, отдѣляющую Ходжа-Козьянъ отъ горъ Кызъ-имчекъ. Холмы эти довольно однообразны; растительность также не отличается многочисленностью формъ и за исключеніемъ Zygophyllum (?), отцвѣтшихъ экземпляровъ Eremurus Alberti (?) и массы Ferula (растеній мы здѣсь на собирали), заключаетъ много видовъ встрѣчающихся у Кабадіана. На востокѣ холмистый рельефъ мѣстности измѣняется, и начинаются горы Кызъ-имчекъ, которыя въ долинѣ Вахша спускаются чрезвычайно круто подъемомъ Дандонъ-чиканъ. Подъемъ этотъ съ полнымъ правомъ носитъ свое названіе (Дандонъ-чиканъ озна-

чаетъ „Зуболомъ“) [1]) и представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ каменной винтовой лѣстницы, частью естественной, частью искуственной и настолько крутой, что въ первый моментъ спускъ кажется совершенно невозможнымъ.

Масса скатившихся камней, а также всюду торчащія скалы, дѣлаютъ его еще болѣе труднымъ и безъ привычныхъ мѣстныхъ лошадей благополучный спускъ врядъ ли былъ бы возможенъ.

Долина Вахша въ этомъ мѣстѣ имѣетъ около 3-хъ верстъ ширины, она пустынна, песчана и только на берегу рѣки тянется довольно широкая полоса ивовыхъ кустовъ.

Переправившись на каюкѣ черезъ Вахшъ, который значительно шире Кафирнигана, мы, послѣ обычныхъ встрѣчъ и привѣтствій, направились въ кишлакъ Джили-куль. Вся обстановка, нарочно для насъ поставленная, пестрая бухарская палатка, серебряные подстаканники и ложки — все указывало на богатство и высокое положеніе амлекдаря, который оказался однимъ изъ сыновей Курганъ-Тюбинскаго бека.

На слѣдующій день (18 апрѣля) все утро шелъ дождь, и только около 12 часовъ пополудни погода немного прояснилась и можно было выѣхать въ Курганъ-Тюбе. Все время дорога тянется по равнинѣ, часто перерѣзанной арыками и почти сплошь обработанной подъ разныя поля: пшеничныя, рисовыя (?) канжутныя и др. Недалеко отъ Джили-куль къ сѣверу встрѣтились 2—3 участка, почти сплошь поросшіе Eremurus stenophyllus, отдѣльные же экземпляры, здѣсь, какъ и у Курганъ-Тюбе, наблюдались весьма рѣдко.

У Лягмана (на полъ пути до Курганъ-Тюбе) мы остановились на пять минутъ, чтобы дать нашимъ сартамъ покурить чилимъ, а потомъ продолжили путь по равнинѣ съ слегка волнистымъ рельефомъ. Къ сѣверу отъ Лягмана дорога вьется по обширнымъ полямъ, сплошь покрытымъ Malcolmia и Papaver pavoninum, но здѣсь же мѣстами развилась такая масса молодой саранчи, что дорога была буквально ими покрыта, и отъ пышныхъ растеній нерѣдко оставались только твердыя, болѣе толстыя части стеблей.

Далѣе арыки учащаются, мѣстность становится болѣе ровной, сырой, и растительность нерѣдко принимаетъ видъ тугая. За этой полосой тянется снова болѣе сухая равнина,

---

[1]) *A. Burnes*, „Voyages a Lahor... et a Boukhara“. t. II. p.

нерѣдко поросшая кустарниками тамарикса, а у самаго Курганъ-тюбе, куда мы пріѣхали въ 6 часовъ вечера, снова появляются воздѣланныя поля.

Версты за 3 отъ города къ намъ выѣхалъ на встрѣчу со своей свитой сынъ Курганъ-Тюбинскаго бека; всѣ всадники были на чудныхъ лошадяхъ и разодѣты въ пестрые шелковые халаты. Подъѣхавши на нѣкоторое разстояніе одни къ другимъ, мы всѣ слѣзли съ лошадей и послѣ обычныхъ привѣтствій, мы всѣ вмѣстѣ направились въ городъ [1]), гдѣ намъ предоставили помѣщеніе, предназначенное для гостей и находящееся въ бекскомъ саду.

Въ Курганъ-Тюбе, который отъ Кабадіана отличается только бо̀льшимъ неряшествомъ и безпорядочностью построекъ, мы пробыли до 22 апрѣля. Экскурсировали почти исключительно на лёссовыхъ равнинахъ къ югу отъ него и собрали почти столько же растеній, какъ и въ Кабадіанѣ. Вся эта мѣстность перерѣзана многочисленными арыками, которые нерѣдко выступаютъ изъ своихъ береговъ и вслѣдствіе этого здѣсь встрѣчаешь представителей какъ ксерофильной флоры (сухолюбивыя растенія), такъ и болѣе пышные луга съ растеніями, требующими нѣкоторой влажности. Замѣчательно, что многіе виды, какъ, напр., Eremurus stenophyllus, Gentiana Olivieri, Malcolmia Bungei, Cryptospora falcata, Hypecoum pendulum Allium и нѣкоторыя другія, росли группами, каждый на вполнѣ опредѣленномъ участкѣ, за предѣлами котораго совсѣмъ не встрѣчаются или только весьма рѣдко.

Такъ какъ при нашемъ пріѣздѣ въ Курганъ-Тюбе бекъ былъ въ отсутствіи, то онъ пришелъ къ намъ съ визитомъ только на второй день по возвращеніи своемъ. Это уже почтенный старикъ, пробывшій, въ бытность свою наставникомъ эмирскаго сына, въ теченіе 4 лѣтъ въ Петербургѣ, весьма любезный, веселый, знающій русскій языкъ, но изъ принципа говорящій только по бухарски. Онъ посидѣлъ у насъ минутъ десять, поинтересовался нашими растеніями, вспомнилъ о разныхъ выдающихся постройкахъ Петербурга и вообще по разговору весьма замѣтно выдѣлялся своимъ знаніемъ цивилизованнаго міра.

---

[1]) Весьма обстоятельное и интересное описаніе всѣхъ бухарскихъ церемоній имѣется въ „Горной Бухарѣ“ В. И. Липскаго гл. I.

Въ день нашего отъѣзда (22 апрѣля) мы отправились къ нему въ крѣпость, которая совершенно тождественна съ тою, которую мы видѣли въ Кабадіанѣ, и сдѣлали прощальный визитъ. На стѣнахъ подъ воротами висѣло много старинныхъ ружей, частью сломанныхъ, частью—Богъ знаетъ для чего,—съ деревянными дулами, по всей вѣроятности, служившія даже въ свое время, не для защиты, а такъ, только для устрашенія. Тутъ же находилась и лишенная всякаго свѣта темница, въ которой какой то несчастный уже второй мѣсяцъ сидѣлъ въ цѣпяхъ.

Исполнивъ долгъ вѣжливости, мы поторопились собраться въ путь и выѣхали изъ Курганъ-Тюбе по направленію В. Ю. В. Сначала дорога шла по узкой тропинкѣ среди культурныхъ полей, арыковъ и луговъ съ высокими травами, а потомъ, мѣстность стала постепенно подыматься и мы вступили въ холмистую область, простирающуюся на востокъ почти до Гуль-бага. Единственнымъ исключеніемъ однообразнаго холмистаго рельефа составляютъ перевалъ Ташъ-рабатъ, гдѣ выступаютъ обнаженія краснаго песчаника и мѣстность принимаетъ горный характеръ, а также перевалъ Алимтай. Вездѣ (до перевала Ташъ-рабата) холмы покрыты низкой растительностью объѣденной стадами овецъ и табунами лошадей, и только изрѣдка виднѣлись густыя заросли крупныхъ листьевъ еще не цвѣтущей Inula grandis и отдѣльные экземпляры Prangos. Но у перевала Ташъ-рабатъ начинаются красные песчаники, а съ ними появляются и Pistacia vera. На самомъ перевалѣ было также много Ferula [1]) Zygophyllum, Amygdalus, Allium и Phlomis.

Къ сожалѣнію за наступленіемъ темноты, останавливаться было здѣсь нельзя и нужно было торопиться въ урочище Алимтай, куда мы прибыли послѣ 9-ти часовъ вечера. Верстъ за 10 отъ урочища мы перешли въ бродъ черезъ рѣку Таиръ-су, которая, судя по высокимъ отвѣснымъ берегамъ, раннею весною весьма многоводна. Въ данное время она была очень скромныхъ размѣровъ, а къ концу лѣта по всей вѣроятности высыхаетъ, т. к. на 10-ти верстной картѣ обозначена только долина ея.

---

[1]) Кочевники окрестныхъ мѣстностей нерѣдко строютъ себѣ хижины изъ высохшихъ прошлогодніихъ стеблей, а также употребляютъ ихъ какъ топливо.

Въ Алимтай мы пріѣхали весьма усталыми и, къ великой досадѣ моего чиновника, насъ не только не встрѣтили, но даже и ничего не знали о нашемъ пріѣздѣ и ничего не приготовили. Дѣлать было нечего, постелили кошму, раздобыли молоко и чай и, наскоро поужинавъ, легли спать подъ открытымъ небомъ ясной лунной ночи.

На слѣдующій день (23 апр.), насъ разбудилъ небольшой дождь, погода стояла пасмурная и было холодно. Мы перебрались въ уже приготовленную для насъ юрту, гдѣ имѣлись даже 2 стула, привезенные изъ Куляба, и здѣсь безвыходно просидѣли до вечера, т. к. дождь усилился и лилъ безо́становочно.

Черезъ посредство переводчика чиновникъ передо мной извинился и объяснилъ, что не оказали намъ здѣсь „должныхъ встрѣчъ“ по чистому недоразумѣнію. Дѣло въ томъ, что Алимтай принадлежитъ кулябскому бекству и люди, высланные намъ оттуда на встрѣчу, опоздали и прибыли только ночью.

Урочище Алимтай расположено въ небольшой котловинѣ и со всѣхъ сторонъ окружено холмами. Постройки въ немъ состоятъ частью изъ глинобитныхъ хижинъ, частью изъ юртъ, а частью изъ юртъ, сплетенныхъ изъ тростника на подобіе пчелинаго улья; вездѣ между ними копошатся тысячи черепахъ и масса желтопузиковъ. Въ ближайшихъ окрестностяхъ имѣются хлѣбныя поля, но въ общемъ ихъ немного и по всей вѣроятности главное занятіе населенія составляетъ скотоводство, т. к. стада овецъ и табуны лошадей встрѣчались постоянно на всемъ протяженіи отъ Курганъ-Тюбе до Гуль-бага. Растительность вездѣ довольно однообразная и объѣдена скотомъ; въ незначительномъ количествѣ встрѣчались: Inula grandis, Allium tartaricum, Prangos, Adonis aestivalis, Anemone coronaria и Eremurus Olgae; деревъ и кустарниковъ здѣсь совершенно не встрѣчалось.

Изъ Алимтая мы выѣхали только 24-го апрѣля, потому что, какъ уже было сказано, 23-го цѣлый день шелъ дождь. Все пространство до Гуль-бага занято невысокими горами, мѣстами густо покрытыми травянистой растительностью. На перевалѣ Алимтай росло довольно много Leontice Eversmanni, Crambe Kotschyana, Senecio Francheti и Euphorbia, нерѣдко образуя маленькія заросли.

Въ Гуль-багъ, гдѣ къ намъ присоединилось еще двое людей изъ Куляба, мы пріѣхали около 5-ти часовъ вечера. Кишлакъ этотъ лежитъ недалеко отъ рѣки Кызылъ-су и расположенъ приблизительно на 15 саж. выше нея, на самомъ обрывѣ, образованномъ ея долиной.

На слѣдующій день (25 апр.), съ утра шелъ дождь, въ виду начавшихся, еще до нашего пріѣзда въ Гуль-багъ, ливней, вслѣдствіе чего рѣки Кызылъ-су и Яхъ-су сильно вздулись, нужно было немедленно перебираться черезъ нихъ, пока это было еще возможно. Такъ какъ переправа въ бродъ черезъ эти рѣки сдѣлалась не безопасной, то намъ къ утру была выслана изъ Куляба цѣлая дюжина всадниковъ, больше брызгавшихъ и мѣшавшихъ при этомъ, чѣмъ помогавшихъ въ переправѣ.

Рѣки Кызылъ-су (Красная вода) и Яхъ-су (ледяная вода) принадлежатъ къ совершенно особому типу. Главное отличіе ихъ отъ обычныхъ рѣкъ заключается въ томъ, что долины ихъ очень широки (нѣсколько верстъ), а сами рѣки раздроблены на всемъ этомъ пространствѣ на массу рукавовъ, то расходящихся, то снова соединяющихся и постоянно мѣняющихъ свое русло. Главнаго русла нѣтъ, болѣе глубокихъ протоковъ, въ которыхъ вода доходила лошадямъ по брюхо, (а иногда и выше), для Кызылъ-су и Яхъ-су я насчиталъ около 15 [1]). Все русло покрыто различной величины галькою и камнями и отъ постояннаго передвиженія ихъ по дну рѣки уже издали слышится шумъ. На болѣе высокихъ и старыхъ отмеляхъ образовались туганы, а мѣстами расположились даже кишлаки. Самъ-же Кулябъ расположенъ на высокомъ лѣвомъ берегу долины Яхъ-су.

Недалеко отъ Куляба находится довольно много кишлаковъ, населеніе нѣкоторыхъ состоитъ почти исключительно изъ бѣглыхъ афганцевъ (афганская граница находится въ 30 верстахъ отъ Куляба). Полей встрѣчается здѣсь немного, а луга мѣстами сильно объѣдены саранчей. Какъ мнѣ разсказывалъ одинъ изъ нашихъ конвойныхъ, хорошо говорившій по русски, Кулябъ уже восьмой годъ страдалъ отъ саранчи. Мѣры, принимаемыя противъ этихъ насѣкомыхъ, весьма при-

---

[1]) Нужно замѣтить, что въ этотъ день рѣка уже вздулась отъ дождей, а на слѣдующій, 26 апр., сдѣлалась совершенно непроходимой въ бродъ.

митивны и заключаются въ томъ, что, вырывъ длинный арыкъ близъ мѣста, гдѣ держится молодая, еще не летающая, саранча, ее сгоняютъ въ этотъ арыкъ и зарываютъ. Но къ сожалѣнію мѣры эти примѣняются не систематично и далеко не вездѣ, а потому и результаты ихъ являются ничтожными.

Въ Кулябѣ насъ встрѣтилъ переводчикъ бека, армянинъ, который, передавъ намъ привѣтъ бека (самъ бекъ посѣтилъ насъ подъ вечеръ), повелъ насъ въ помѣщеніе для гостей, находящееся въ бекскомъ саду. Небольшой выбѣленный домикъ, состоящій изъ двухъ комнатъ (съ настоящими окнами) и прихожей, служившій намъ квартирой, уже носилъ европейскій характеръ, и только потолокъ, состоящій изъ рядовъ палокъ, лежащихъ на балкахъ, и двери на деревянныхъ петляхъ еще напоминали бухарскія постройки.

Садъ, окружавшій насъ, тоже имѣлъ нѣсколько иной видъ; тутъ, кромѣ обычнаго бассейна съ водой и нѣсколькихъ крупныхъ деревъ, имѣлась большая бесѣдка съ соколами бекской охоты, нѣсколько обработанныхъ подъ овощи участковъ земли и цѣлая аллея изъ виноградниковъ.

Изъ всѣхъ бековъ нами посѣщенныхъ, кулябскій бекъ былъ единственный, не жившій въ своей крѣпости, а имѣвшій помѣщеніе съ садомъ почти въ центрѣ города. Онъ считается однимъ изъ главныхъ бековъ и носитъ даже названіе „большого бека“; это старикъ, дважды побывавшій съ эмиромъ въ Петербургѣ, на видъ строгій и важный, держащій себя съ достоинствомъ и пользующійся большимъ уваженіемъ среди своихъ подчиненныхъ.

Изъ всѣхъ бухарскихъ городовъ (за исключеніемъ Старой Бухары, гдѣ во всемъ виднѣется европейская цивилизація), Кулябъ пожалуй единственный пунктъ, могущій называться городомъ. Хотя и тутъ весь городъ находится въ садахъ, и на улицы выходятъ только голыя глиняныя стѣны, но все-же мѣстами виднѣются и деревянныя постройки, нерѣдко довольно крупныхъ размѣровъ и съ крышами какъ у насъ (т. е. не плоскими), имѣется довольно значительная каменная мечеть, а базаръ довольно большой, занимающій нѣсколько улицъ.

Благоустройство этого города пошло даже такъ далеко, что по одной сторонѣ главныхъ улицъ сдѣлано что-то въ родѣ панели изъ гальки и прутьевъ, и хотя послѣ дождей эта панель и бываетъ ни чуть не чище самой дороги, но все-же

сама попытка эта является уже успѣхомъ на пути къ цивилизаціи.

Въ Кулябѣ, какъ важномъ и большомъ пунктѣ, имѣется отрядъ бухарскихъ войскъ, войска эти впрочемъ представляютъ изъ себя какую то комическую пародію настоящихъ войскъ. Обмундировка отчасти состоитъ изъ старыхъ русскихъ мундировъ, и вообще вся форма очень похожа на русскую. Погоны хотя и имѣются свои, съ буквей „Б“ и номеромъ баталіона, но нерѣдко можно встрѣтить на бухарскомъ солдатѣ и старые погоны русскихъ полковъ (особенно туркестанскихъ баталіоновъ), причемъ случается даже, что на одномъ плечѣ погонъ красный, на другомъ синій; въ такомъ-же состояніи находится остальная часть обмундировки. Форма бухарскихъ офицеровъ тоже очень похожа на форму нашихъ, но носятъ они мундиръ сравнительно рѣдко, а обыкновенно ходятъ въ родномъ халатѣ. Разбивка войскъ по баталіонамъ, ротамъ и т. д. та-же, что и въ русскихъ войскахъ, команда производится на ломанномъ русскомъ языкѣ, а упражненія производятся разъ въ недѣлю. О томъ, упражняются-ли солдаты въ стрѣльбѣ, никто ничего не говорилъ; но разнокалиберныя ружья отъ времени до времени чистятся водой и пескомъ; такой-же чисткѣ подвергаются и пушки артиллеріи, находящейся въ Каратагѣ. Дисциплины конечно нѣтъ никакой, такъ часовой, стоящій у воротъ бекскаго двора, только при нашемъ пріѣздѣ стоялъ на часахъ, въ остальные-же дни онъ обыковенно сидѣлъ, распивая чай въ кругу своихъ друзей, бекскихъ слугъ, и только при нашемъ проходѣ подходилъ къ ружью, оставленному у воротъ и, воображая, что мы военные, отдавалъ честь. При переходахъ, какъ намъ разсказывали, всякій солдатъ отправляется какъ ему угодно; кто пѣшкомъ, кто на лошади, а кто и на ишакѣ (ослѣ). Въ свободномъ отъ занятій времени (а это почти всегда) солдаты имѣютъ право заниматься торговлей, и въ Кулябѣ, Бальджуанѣ и Каратагѣ во многихъ лавкахъ торгуютъ солдаты.

Несмотря на всѣ свои достоинства „большого города“, какъ считаютъ его бухарцы, въ Кулябѣ все еще не установилась денежная валюта и здѣсь по прежнему русскіе 20 коп. идутъ за 19 к., а бухарская „тенька“ за 16 коп. вмѣсто 15, какъ вездѣ, что приводитъ къ частымъ спорамъ и недоразумѣніямъ пріѣзжихъ торговцевъ.

Въ кулябѣ мы пробыли 5 дней, но вслѣдствіе частыхъ дождей мы экскурсировали сравнительно немного. Въ самомъ городѣ, за исключеніемъ прекрасныхъ, огромныхъ размѣровъ, чинаровъ, пирамидальныхъ тополей и ясеня, а также тутовыхъ и плодовыхъ деревъ, довольно много Rosa xanthina и Rosa Webbiana, Capparis spinosa (еще не цвѣлъ) цѣлыя заросли Silybum marianum и Anthriscus и наконецъ масса сорныхъ травъ, какъ-то Convolvulus arvensis, Sisymbrium Loeselii и т. п. Но безспорно мѣстомъ болѣе интереснымъ и богатымъ растеніями являются тугаи, находящіеся близъ Куляба въ долинѣ Яхъ-су. Уже у самаго обрыва, образованнаго долиной, находится маленькій тугайчикъ, сплошь поросшій, Calamagrostis Pseudophragmites, Scirpus triqueter, Juncus lampocarpus, разными осоками, Imperata cylindrica, Alisma Plantago и Sium, тутъ-же небольшой ручеекъ былъ совершенно покрытъ Riccia fluitans. За этимъ тугайчикомъ протекаетъ одинъ изъ небольшихъ рукавовъ Яхъ-су, отъ котораго прорыты многочисленные арыки ко всѣмъ мельницамъ Куляба. Тутъ вдоль арыковъ мѣстами довольно много Cladium Mariscus, Euphorbia procera, Anagallis arvensis, Adiantum Capillus Veneris (не собр.), Typha stenophylla, а на сырыхъ лугахъ между арыками мѣстами масса Orchis orientalis var. turkestanica.

Далѣе на востокъ, въ долинѣ Яхъ-су, тугаи становятся много гуще и мѣстами настолько топки, что для скрѣпленія дороги набросаны срѣзанные кусты и тростникъ. Особенно интереснымъ былъ большой тугай, находящійся у кишлака Кафтаръ-хана; тутъ кромѣ большинства растеній, росшихъ въ Тугаѣ подъ Кулябомъ, была еще и масса другихъ, какъ-то Agrostis verticillata, Scirpus maritimus, Poa trivialis, Ranunculus cseleratus, Rumex pulcher, Equisetum ramosissimum и въ одномъ мѣстѣ небольшое количество Limodorum turkestanicum Litw (новый видъ); паразитирующій на корняхъ злаковъ. На менѣе сырыхъ мѣстахъ растительность тоже была на много богаче, чѣмъ въ Кулябѣ; тутъ были Cynoglossum pictum, Potentilla reptans, Potentilla supina var. paradoxa, Lithospermum officinale, Anthemis altissima, Plantago lanceolata, а изъ мотыльковыхъ Lathyrus tetraspermum, Lotus corniculatus, Medicago lupulina, Sphaerophysa salsula и масса Trifolium procumbens.

Наконецъ 30 апрѣля, покончивъ съ упаковкой высушен-

ныхъ растеній (ихъ было около 1000 герб. листовъ) и передавъ ихъ беку для отсылки въ Термезъ, мы распрощались съ Кулябомъ и его бекомъ и выступили на сѣверъ по направленію къ Бальджуану. Въ началѣ дорога шла по высокому лёссовому берегу вдоль рѣки Яхъ-су и почти вездѣ была покрыта культурными полями и пастбищами. Растительность (за исключеніемъ посѣвовъ) почти вездѣ объѣдена скотомъ и только мѣстами, близъ берега долины, встрѣчались Gladiolus segelum, Filago canescens и Dodortia orientalis. Переѣхавъ въ бродъ черезъ Яхъ-су, мы вышли на противуположномъ берегу у сѣвернаго изъ кишлаковъ Пушіонъ [1]) и почти сейчасъ-же поднялись въ горы. Чтобы укоротить путь до Бальджуана, проводникъ повелъ насъ не обычной дорогой черезъ перевалъ Ходжа-Бахтіаръ, а немного восточнѣе черезъ кишлаки Чагана, Альма-булакъ, Баглысай, Зардалю-Дашъ и Дехтуръ. Все пространство это до Бальджуана сплошь покрыто невысокими горами или вѣрнѣе высокими холмами, въ которыхъ лишь мѣстами появляются обнаженія песчаника. Вездѣ встрѣчается довольно много кишлаковъ и вездѣ много обработанныхъ полей. Растительность частью уже обгорѣла, и цвѣтущія растенія встрѣчались лишь въ очень небольшомъ количествѣ. Изъ деревъ встрѣчались здѣсь фисташка и боярышникъ (Crataegus), а изъ травянистыхъ растеній Anemone coronaria, Adonis aestivalis, Astragalus mirabilis, Vicia hyrcanica, Lathyrus Aphaca, Bongardia Chrysogonum, Solenanthus Kuschakewiczi, Solenanthus plantaginifolius, Iris darwasica, цѣлыя заросли Onosma setosum. β. dichraoanthum и масса Astragalus taschkendicus.

Въ Зардалю-Дашѣ мы остановились ночевать и подъ вечеръ имѣли удовольствіе видѣть сильную грозу. Замѣчательно, что, несмотря на огромныя молнія и на близость ихъ, (по счету времени отъ 1—3 верстъ), раскаты грома были сравнительно глухи; то-же самое замѣтилъ я и позже во время грозы въ Умарѣ.

На слѣдующій день (1 мая) мы пріѣхали въ Бальджуанъ, гдѣ еще далеко за городомъ насъ встрѣтила пышная кавалькада представителей бека. Въ Бальджуанѣ насъ помѣстили

---

[1]) Тутъ на протяженіи 8 верстъ на берегу Яхъ-су имѣется 3 кишлака, носящіе всѣ три названіе Пушіонъ.

въ саду бека, въ новомъ помѣщеніи для гостей, устроенномъ какъ и въ Кулябѣ, на европейскій ладъ. Самый городъ довольно большой и расположенъ у сліянія рѣкъ Кизыль-су, Шуракъ и еще какой-то третьей небольшой рѣчки, находящейся направо отъ города. Всѣ постройки, какъ и самый базаръ, находятся частью на берегу рѣкъ, частью-же подымаются довольно круто по долинамъ высокаго берега. Помѣщеніе бека здѣсь находится немного въ сторонѣ, на высокомъ берегу рѣки, приблизительно на высотѣ 20 саж. и имѣетъ видъ какого-то „вороньяго гнѣзда“ [1]).

Базаръ довольно большой и славится своими издѣліями изъ тисненной кожи (главнымъ образомъ кожаныя части къ сѣдламъ) и серебреніемъ желѣза (серебрятъ преимущественно пряжки, стремена уздечки и др. части сбруи). Это послѣднее искусство очень изящно, и самый способъ серебренія весьма своеобразный. Выковавъ изъ желѣза какую нибудь вещицу, мастеръ наноситъ на нее зубиломъ рядъ насѣчекъ, а потомъ молоточкомъ наколачиваетъ тоненькую серебряную проволоку, причемъ, изгибая проволоку, получаетъ различные узоры, а наколачивая ее тѣсными рядами, получаетъ гладкія поверхности. Такой способъ серебренія очень медленный и дорогой (надъ парой большихъ пряжекъ для подпруги мастеръ работаетъ 3 дня), но зато результаты получаются весьма хорошіе; не разъ приходилось видѣть высеребряныя такимъ способомъ пряжки уже совершенно изношенныя, но никогда не замѣчалъ, чтобы серебро отскакивало. Серебряную проволоку изготовляетъ самъ мастеръ изъ курсирующихъ денегъ, „теньги“ (стоимость 15 коп.), серебро которыхъ отличается мягкостью и чистотою сплава.

Тутъ-же на базарѣ находилась и одна русская лавка, принадлежащая какому то кавказцу, который, узнавъ о пріѣздѣ русскихъ (т. е. насъ), очень обрадовался. Въ тотъ-же вечеръ пришелъ онъ къ намъ поболтать и пригласилъ насъ на слѣдующій день къ обѣду. Несмотря на всю отдаленность Бальджуана отъ всякаго русскаго города и на то, что мы находились среди магометанъ, нашъ гостепріимный кавказецъ угостилъ насъ къ обѣду пивомъ, имѣющимся въ его универсальной лавкѣ и сбываемымъ бекскому двору. Торговля, какъ онъ

---

[1]) *В. И. Липскій*, Горная Бухара. I. 1902. Стр. 302.

самъ разсказывалъ, шла хорошо, пошлинъ и податей съ русскихъ не взимаютъ никакихъ (бухарскіе торговцы платятъ и то и другое), а за аренду помѣщенія подъ лавку онъ платилъ всего 3 рубля въ годъ. При такихъ условіяхъ не удивительно, что, начавъ дѣло съ 30 рублями, онъ за какихъ-нибудь полъ года торговли учетверилъ свой капиталъ и не сомнѣвался въ дальнѣйшемъ успѣхѣ. Но рядомъ съ постоянными торговцами, имѣющими свои лавки на базарѣ, есть еще и другіе, пріѣзжающіе въ Бальджуанъ только изрѣдка и часто продающіе товары въ кредитъ. Какъ намъ разсказывалъ нашъ кавказецъ, эти гешефтмахеры составляютъ главное бѣдствіе низшихъ классовъ населенія. Пріѣзжаютъ эти торговцы обыкновенно раннею весною, привозятъ массу всякаго товара и предлагаютъ его въ обмѣнъ на пшеницу, шкуры, скотъ и т. п., причемъ въ уплату принимаютъ даже только что засѣянныя поля. Эти на видъ выгодныя условія и приводятъ недальновидныхъ бѣдняковъ въ безвыходное положеніе. Дѣло въ томъ, что, въ случаѣ неуплаты въ срокъ, бѣдняку грозитъ судъ, а при томъ взятотничествѣ, какое развито въ Бухарѣ, ему и думать нечего о благопріятномъ для него исходѣ дѣла. Чтобы избѣгнуть суда и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить кредитора, онъ уплачиваетъ что можетъ за взятый когда-то товаръ и дѣлаетъ новое долговое обязательство уже на совсѣмъ невыгодныхъ условіяхъ. При новомъ платежѣ повторяется та же исторія и т. д. до тѣхъ поръ, пока бѣднякъ не дойдетъ до той крайности, что принужденъ продать не только все необходимое, но даже и жену и поступить въ работники.

На второй день нашего пріѣзда бекъ пригласилъ насъ къ себѣ, и въ сопровожденіи цѣлой свиты, посланной за нами, мы отправились въ его „воронье гнѣздо“.

Бекъ этотъ сынъ „кушъ-беги“ (намѣстникъ эмира въ восточной Бухарѣ), молодой человѣкъ 23-хъ лѣтъ, молчаливый, на видъ скромный, въ которомъ никогда нельзя было-бы предположить кутилу, какимъ намъ его охарактеризовали еще въ Термезѣ. Посидѣвъ недолго на его богато убраной коврами верандѣ, съ прекраснымъ видомъ на долину Кизылъ-су, мы распрощались съ нимъ и подъ довольно сильнымъ дождемъ вернулись къ себѣ, гдѣ вскорѣ принесли намъ отъ бека подарки въ видѣ халатовъ.

Въ Бальджуанѣ тоже имѣются войска и, кромѣ того, еще

и оркестръ музыки. Этотъ послѣдній состоитъ изъ большого турецкаго барабана, нѣсколькихъ маленькихъ барабановъ, 2—3-хъ трубачей и нѣсколькихъ пискливыхъ кларинетовъ. За все время нашего пребыванія въ Бальджуанѣ оркестръ каждый день выходилъ со знаменемъ на базарную площадь и упражнялся въ музыкальномъ искусствѣ. Нечего и говорить, что музыка эта дѣлаетъ не мало шума и далеко не мелодична, но все же на третій день мы уже настолько къ ней прислушались, что могли отличить отрывки знакомыхъ мотивовъ, какъ-то: „Марша Петра Великаго“ и др. обильно пересыпанныхъ варіаціями бухарской немузыкальности. Оригинальнѣе всего, что главный барабанщикъ имѣетъ помощника, смѣняющаго его, какъ только онъ устанетъ; передача барабана при этомъ дѣлается столь искусно, что музыка ни на минуту не прекращается. Заканчивались упражненія всегда тѣмъ, что капельмейстеръ командовалъ „маршъ“ (это, по всей вѣроятности, значило гимнъ), и начиналось какое-то шумное битье въ барабаны, причемъ всѣ становились во фронтъ.

Въ Бальджуанѣ мы пробыли 4 дня, но вслѣдствіе непрерывныхъ дождей намъ удалось совершить только одну экскурсію, именно въ горахъ на сѣверъ. Горы эти не высоки, состоятъ преимущественно изъ красныхъ песчаниковъ и почти сплошь покрыты густымъ травянистымъ покровомъ, состоящимъ изъ Onobrychis grandis, Astragalus taschkendicus, Astragalus mirabilis, Capparis spinosa, Scandix Pecten, Bongardia chrysogonum, Solenanthus Kuschakewiczii и нѣкоторыхъ другихъ. Деревъ на горахъ совсѣмъ не видно, а изъ кустарниковъ встрѣчались только Rosa xanthina. Густыя заросли этого кустарника встрѣчаются также и въ окрестныхъ кишлакахъ, въ Бальджуанѣ же, за исключеніемъ бекскаго сада, вообще растительности нѣтъ почти никакой. Но непрерывные дожди не только препятствовали дѣлать экскурсіи, они мѣшали сушкѣ растеній и отняли у насъ всякую возможность выѣхать изъ Бальджуана. Сбѣжавшаяся съ горъ вода переполнила рѣки и превратила ихъ въ огромныя быстрины, переѣхать черезъ которыя въ бродъ и думать было нечего. Въ такихъ случаяхъ рѣки выносятъ съ горъ массу валежника, и даже цѣлыя деревья, а потому жители Бальджуана въ большомъ количествѣ вылавливаютъ его, при всякомъ удобномъ случаѣ, изъ рѣки, влѣзая въ воду по колѣно или даже верхомъ.

Наконецъ 5 мая можно было выѣхать изъ наскучившаго намъ Бальджуана и продолжать свой путь уже въ обратномъ направленіи, къ западу. Сначала мы ѣхали по долинѣ Кизылъ-су, а потомъ, у кишлака Хиробъ, поднялись на высокій берегъ и, свернувъ на западъ, проѣхали черезъ горы до Кангурта, гдѣ и остановились ночевать. Небольшой кишлакъ этотъ ничего интереснаго изъ себя не представляетъ и расположенъ близъ рѣчки Таиръ-су, той самой, которую мы уже проѣхали ниже, не доѣзжая Алимтая. Помѣстили насъ здѣсь не у амлекдаря, какъ обыкновенно бывало въ кишлакахъ, а у какого-то богатаго старика, имѣющаго чудное помѣщеніе, отдѣланное со всевозможною роскошью.

Стѣны были чисто выбѣлены и носили разные узоры изъ штукатурки, потолки были составлены не изъ рядовъ палокъ, а изъ дощечекъ, разукрашенныхъ въ пестрыя краски, двери были чинаровыя и съ богатой рѣзьбой, и вообще все помѣщеніе носило такой отпечатокъ роскоши, какого не всегда можно было встрѣтить даже у бековъ. Узнавъ о томъ, что мы пріѣхали собирать растенія, старикъ хозяинъ разсказалъ намъ, что лѣтъ 20 съ лишкомъ тому назадъ въ Кангуртѣ пріѣзжалъ тоже какой-то „урусъ“ (русскій) и тоже „собиралъ цвѣточки“ [1]). Старикъ говорилъ охотно и чрезвычайно радовался, когда хвалили его жилище и гостепріимство. На слѣдующее утро (6 мая), попрощавшись съ добродушнымъ старикомъ хозяиномъ и оставивъ ему кой-какія лекарства (за „дохтура“, т.-е. доктора меня считали уже съ самаго Кабадіана), мы отправились къ перевалу Гули-зинданъ. Изъ всѣхъ переваловъ мною проходимыхъ, по красотѣ и обилію растительности, ни одинъ не могъ сравниться съ Гули-зинданъ. Высота его не очень большая (5,125 футъ по В. И. Липскому), состоитъ онъ, какъ и всѣ окрестныя горы, изъ песчаниковъ, восточный склонъ довольно крутъ, западный—пологій, но вообще никакихъ затрудненій не представляетъ. Гули-зинданъ значитъ по-бухарски „Цвѣтокъ узника“ и нужно сказать, по разнообразію и количеству цвѣтущихъ растеній онъ въ то время сильно выдѣлялся среди окружающей мѣстности, которая частью была уже выжжена. Здѣсь встрѣчались

---

[1]) По всей вѣроятности, старикъ говорилъ о д-рѣ Регелѣ, проѣхавшемъ черезъ Кангуртъ въ 1883 году.

Eremurus robustus (изъ коихъ одинъ экземпляръ съ *бѣлыми цвѣтами*), Rosa Ecae, Cercis Siliquastrum, Sageretia Brondrethiana, Senecio Francheti, Fritillaria bucharica, Crambe Kotschyana, Hypericum scabrum, Umbilicus Lieveni, Clausia Turkestanica, Pedicularis и масса другихъ; всего мною собрано 32 вида, что для столь непродолжительнаго времени, пробытаго нами на перевалѣ (около 20 мин.), весьма значительно. Здѣсь же близъ перевала насъ догналъ гонецъ изъ Бальджуана и привезъ намъ цѣлую пачку писемъ изъ Петербурга, которыя были получены на мое имя въ Термезѣ и пересылаемы изъ бекства въ бекство намъ въ догонку.

Около 4-хъ часовъ пополудни мы подъѣхали къ рѣкѣ Вахшъ, близъ кишлака Шуръ-гузаръ и отсюда уже вдоль берега доѣхали до Тутъ-каула.

Вахшъ, на которомъ расположенъ Тутъ-каулъ, представляетъ собой довольно широкую, многоводную, быструю рѣку, текущую между горами и имѣющую направо высокій и крутой берегъ, а налѣво небольшую долинку, имъ же вымытую и отчасти наполненную цементированною галькою.

Немного ниже кишлака, близъ того мѣста, гдѣ Вахшъ дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверо-востокъ, рѣка образуетъ по берегамъ небольшіе водопады, обусловливаемые наклонными слоями песчаника; посреди рѣки преграда эта уже разрушена и сохранилась еще только въ подводной части, что свидѣтельствуетъ выпуклая поверхность воды какъ разъ на этомъ мѣстѣ. Далѣе рѣка течетъ опять по прежнему, быстро и шумно, до моста Пулисангинъ, перекинутаго черезъ нее. Здѣсь она дѣлаетъ снова крутой поворотъ, но уже на сѣверо-западъ, причемъ она до того стѣснена горами, что съуживается по крайней мѣрѣ разъ въ десять. Берега въ этомъ мѣстѣ размыты совершенно отвѣсно, даже немного расширяясь къ низу, и небольшой мостъ, перекинутый въ этомъ мѣстѣ, находится отъ уровня воды, приблизительно на высотѣ 10 саженъ. Далѣе рѣка снова течетъ по прежнему.

Уже недалеко отъ Тутъ-каула насъ удивила небольшая ива, густо обвѣшанная маленькими пестрыми тряпицами. Оказалось, что дерево это было священно, а тряпки были навѣшаны суевѣрными, видѣвшими подъ этимъ деревомъ привидѣнія; подобныя деревья мы встрѣчали позже близъ Кафирнигана и близъ Каратага. Въ Тутъ-каулъ мы пріѣхали около

5 часовъ вечера, и почти сейчасъ же начался дождь, продолжавшійся до вечера слѣдующаго дня.

Кишлакъ Тутъ-каулъ ничего особеннаго изъ себя не представляетъ; населеніе его состоитъ изъ узбековъ (?); занимаются они хлѣбопашествомъ, но рядомъ съ этимъ имѣютъ довольно много скота и держатъ даже кобылицъ для приготовленія кумыса.

Тутъ кстати упомяну, что употребленіе кумыса, по законамъ здѣшней вѣры, не разрѣшается; ну, а такъ какъ мой переводчикъ персіянинъ былъ не прочь выпить его, то онъ, не смущаясь пилъ его, а потомъ подыскивалъ оговорки. То онъ говорилъ, что не зналъ, что онъ пилъ, то увѣрялъ, что его обманули, и что грѣхъ за несоблюденіе закона лежитъ на обманщикѣ, а то и просто отрицалъ, что пьетъ кумысъ и утверждалъ, что это катыкъ (кислое особо приготовленное коровье молоко).

Въ Тутъ-каулѣ мы пробыли съ 6—10 мая и, за исключеніемъ перваго дня, экскурсировали даже по два раза въ день. Экскурсіи совершали, какъ на крутыхъ берегахъ долины Вахша, такъ и глубже въ горахъ на западъ. Въ самомъ кишлакѣ, по берегу Вахши росло много крупныхъ тутовыхъ деревъ (со зрѣлыми плодами), довольно много Lonicera arborea, var. Persica, Parietaria diffusa, Glaucium fimbrilligerum, Anchusa italica, а сейчасъ же на полянкѣ за кишлакомъ находились въ довольно большомъ количествѣ Helicophyllum Alberti Rgl.

Ниже по теченію, между первымъ и вторымъ крутыми поворотами, часто прерывается сплошной растительный покровъ выходами и обнаженіями известняка. Встрѣчаются также частыя осыпи и растительность какъ-то разрозненна. Изъ кустарниковъ здѣсь встрѣчались фисташка, Pistacia vera, Acer monspessulanum, Celtis australis, Rhamnus spathulaefolia, Sageretia Brondrethiana, Ephedra foliata, var. ciliata, а на обрывахъ въ значительномъ количествѣ растетъ миндальникъ, Amygdalus bucharicus. Травянистая растительность тоже богата, но въ нижнихъ частяхъ почти вездѣ объѣдена скотомъ и сохранилась еще во всей своей красѣ только на трудно доступныхъ мѣстахъ и между скалами. Изъ растеній упомяну только болѣе характерныя, какъ-то: Phaelipaea, Otostegia Olgae, Callipeltis cucullaria. Galium Decaisnei, Scrophularia

juncea, Valerianella coronata, Trichodesma incana, Pimpinella peregrina, Impatiens parviflora, Psorolea drupacea, Bromus japonicus var. porrectus и новая разновидность Poa palustris L. var. (nova) leiantha Hack. Немного иною является растительность горъ на сѣверо-западъ отъ Тутъ-каула; хотя и тутъ встрѣчаются многочисленныя осыпи и обнаженія породъ, но все же растительность является болѣе пышной, такъ какъ здѣсь встрѣчается не мало ключей и ручейковъ, дающихъ влагу. Здѣсь встрѣчались крупные кусты цареградскаго стручка, Cercis Siliquastrum (съ плодами и цвѣтами) и Colutea arborescens (въ цвѣту), цѣлые розаріи изъ Rosa xanthina и Rosa Ecae, группы изъ Asparagus trichophyllus и Ferula diversivittata, масса Lathyrus Aphaca, Prangos pabularia, Hypogomphia Turkestanica var. purpurea, Krambe Kotschyana, Carum Sogdianum, Astragalus taschkendicus и Gladiolus segetum; болѣе рѣдко попадались Onobrychis vaginalis, Euphorbia и Linum usitatissimum. Вдоль небольшого, но быстраго ручейка, протекающаго черезъ нѣсколько мельницъ [1]), росло въ большомъ количествѣ Rubus caesius L. var. turkestanicus, Impatiens parviflora, Lepyrodiclis holosteoides, довольно мелкій Galium aparine и густымъ бордюромъ надъ самой водой Adiantum Capillus Veneris и мохъ. Тутъ же рядомъ на скалѣ (съ обнаженіями соли) росло пышными кустиками Saponaria Griffithiana, а также папортникъ Cheilanthes Szovitsii. Вообще за все наше 4-хъ дневное пребываніе въ Тутъ-каулѣ сборы наши были довольно удачны, и намъ удалось собрать и высушить около 1500 герб. листовъ въ 90 видовъ.

Изъ Тутъ-каула мы отправились внизъ, по теченію, по лѣвому берегу Вахша; дорога извивается между скалами, но нетрудная и чрезвычайно живописная. У второго поворота рѣки мы переѣхали черезъ знаменитый мостъ Пули-сангинъ и продолжали путь до Норака. Мостъ этотъ, какъ оказывается, принадлежитъ Каратегинскому беку (хотя лежитъ какъ разъ

---

[1]) Мельницы здѣсь самаго примитивнаго устройства: водяное колесо замѣнено досками, которыя придѣланы къ осевой балкѣ въ видѣ лопастей, а жерновъ обыкновенно замѣненъ большими ступками, въ которыхъ зерно не мелютъ, а толкутъ. На Баба-тагѣ, близъ Чагама привелось видѣть еще болѣе примитивный способъ полученія муки, а именно ручной: въ песчаниковой скалѣ было выдолблено циллиндрическое отверстіе въ которомъ зерно толкли отъ руки фасташковымъ пестикомъ, послѣ чего просѣивали.

на границѣ Гиссарскаго и Бальджуанскаго бекствъ) и достался ему отъ эмира въ качествѣ „досторхана“ — угощенія (что, по В. И. Липскому „Горная Бухара“ II стр. 404, напоминаетъ нѣсколько древне-русское „кормленіе“). За проѣздъ черезъ него взимается находящимся здѣсь сборщикомъ плата, которая въ теченіе года приноситъ немалый доходъ, такъ какъ мостъ этотъ является единственной переправой черезъ Вахшъ, въ среднемъ ея теченіи [1]). За мостомъ дорога опять извивается между скалами (изъ краснаго песчаника), но вскорѣ сглаживается и близъ Норака, куда мы прибыли подъ вечеръ, тянется уже по высокому, лессовому берегу Вахша. Помѣщеніе амлекдаря находится здѣсь въ какой-то старой, глиняной крѣпости, окруженной когда-то глубокимъ рвомъ. Теперь отъ этого рва осталась лишь небольшая часть, заполненная весеннею водою и сильно заросшая Zanichella palustris и Ranunculus aquatilis.

На слѣдующій день, 11 мая, мы выѣхали изъ Норака и свернули на сѣверъ, по направленію къ Файзабаду. Дорога все время горная, мѣстами весьма трудная, особенно у перевала Тіянъ, тѣмъ болѣе, что отъ поминутныхъ мелкихъ дождей глинистая почва становилась скользкой, и лошади съ трудомъ подымались по весьма крутымъ склонамъ горъ.

Растительность вездѣ довольно пышная, встрѣчаются въ большемъ количествѣ Cersis Siliquastrum, Pistacia vera (исключительно въ видѣ кустовъ), нѣкоторые другіе кустарники (не собр.), Althaea pallida, а на самомъ перевалѣ Тіянъ росли Iris daruwica. Dictamnus albus, Onobrychis grandis и довольно много отдѣльныхъ, не очень высокихъ экземпляровъ тростника Phragmites) (не собр. [2]).

Въ Файзабадъ мы пріѣхали около 5 часовъ вечера, и почти сейчасъ же начался непродолжительный, но сильный дождь. Только-что кончился дождь, какъ какой-то странный гулъ вызвалъ насъ на улицу. Оказалось, что это была сбѣжавшаяся

---

[1]) За время нашего пребыванія въ Тутъ-Каулѣ, черезъ этотъ кишлакъ прошло около 10 стадъ овецъ, каждое въ нѣсколько тысячъ головъ, направляющіяся черезъ мостъ въ Гиссарскую долину. А такъ какъ по *В. И. Липскому* („Горная Бухара“ стр. 404) за каждую овцу взимается 1/4 теньги, т.-е. 4 коп., то за одно время нашего пребыванія въ Тутъ-каулѣ доходъ отъ моста долженъ былъ превысить 1000 рублей.

[2]) О тростникѣ на перевалѣ Тіянъ упоминаетъ и *В. И. Липскій*, Горная Бухара, II, стр. 402.

съ горъ вода, которая съ неимовѣрною быстротою промыла себѣ русла вдоль улицъ кишлака и со страшною силою перекатывала массу булыжниковъ, принесенныхъ ею съ горъ и достигавшихъ весьма крупныхъ размѣровъ (нѣкоторые изъ нихъ должны были имѣть 20—30 пудовъ).

На слѣдующій день (12 мая) мы отправились дальше, по направленію къ Кафирнигану. Дорога все время равнинная, пыльная и ничего интереснаго изъ себя не представляетъ; до рѣки Илякъ насъ проводилъ файзабадскій амлекдарь. Къ сѣверо-западу отъ насъ, вдали все время бѣлѣли снѣжныя вершины Гиссарскаго хребта, а на югѣ зеленѣли невысокія горы, лежащія между долинами Вахша и Кафирнигана. Вездѣ на главныхъ вершинахъ виднѣлись „сигналы“ (столбы) недавней съемки, сдѣланной въ этой мѣстности, и мой Мирза-боши, участвовавшій въ ней, тоже въ качествѣ прикомандированнаго чиновника, каждый разъ разсказывалъ всякія всячины о томъ, какъ производилась съемка, и о томъ, что въ подзорную трубу онъ видѣлъ звѣзды, чуть-ли не величиною съ домъ.

Здѣсь неоднократно приходилось мнѣ удивляться дальнозоркости моего переводчика: сплошь да рядомъ онъ указывалъ намъ на „сигналы“ и даже говорилъ, стоятъ-ли они прямо или криво, между тѣмъ какъ мы, за дальностью, съ трудомъ различали ихъ въ бинокль. Его зрѣніе было настолько остро, что онъ свободно видѣлъ двойную звѣзду Mizar въ Большой Медвѣдицѣ, много другихъ двойныхъ звѣздъ, а при разсматриваніи въ бинокль увѣрялъ, что у звѣзды „кола неба“, т.-е. Полярной звѣзды имѣется „товарищъ“. Вообще взятый съ собой бинокль доставлялъ ему не мало удовольствія; онъ носилъ его обыкновенно при себѣ, хвастался имъ передъ бухарцами, а по прибытіи нашемъ въ какой-нибудь кишлакъ, первымъ его дѣломъ было взять бинокль и посмотрѣть, не видать ли гдѣ въ отдаленіи какой-нибудь „морзю“, т.-е. женщины.

Здѣсь же на этихъ равнинахъ намъ случилось видѣть переселеніе бухарскихъ кочевниковъ изъ южныхъ, равнинныхъ мѣстностей въ горные луга Гиссарскаго хребта. Странно было видѣть, что не смотря на имѣющіеся большіе табуны лошадей, сплошь да рядомъ на одной и той же лошади сидѣло цѣлое семейство, состоящее изъ отца, матери и ребенка. Нерѣдко также можно было видѣть и женщинъ, сидящихъ верхомъ съ двумя или тремя ребятишками, причемъ одинъ помѣщался на

лошади впереди сѣдла, другой на рукахъ, а третій сидѣлъ, или былъ привязанъ у матери за спиною. Еще одинъ курьезъ представляли собою маленькіе мальчишки, прыгающіе посреди табуновъ на совершенно неосѣдланныхъ лошадяхъ и даже безъ поводьевъ.

Въ Кафирниганѣ мы пробыли только ночь и на слѣдующій день (13 мая), переправившись черезъ Кафирниганъ-дарью, мы направились въ Дюшамбе.

Рѣка Кафирниганъ здѣсь довольно широка, въ бродъ непроходима и имѣетъ два моста, одинъ близъ города, а другой въ 10 верстахъ выше по рѣкѣ. Черезъ этотъ послѣдній мы и перешли, такъ какъ мостъ близъ города былъ снесенъ высокою водою, обусловленной ежедневными дождями.

Мостъ этотъ деревянный, довольно высокій, представляетъ собою нѣчто въ родѣ растянутаго свода и построенъ изъ лежачихъ бревенъ, связанныхъ между собою веревками. Свай совершенно нѣтъ; весь онъ довольно длинный, какъ-бы виситъ, и подъ тяжестью лошади гнется и качается.

Далѣе до Дюшамбе дорога тянется черезъ цѣлый рядъ кишлаковъ, съ окружающими ихъ культурными полями, по совершенно равнинной и весьма однообразной мѣстности. Здѣсь, какъ и вездѣ на большихъ дорогахъ, намъ стали встрѣчаться могилы. Могилы эти большею частью хорошо содержатся и бываютъ или погибшихъ путниковъ, и тогда отмѣчаются шестомъ, на которомъ развѣвается бѣлый флагъ, или какого-нибудь знатнаго бухарца, что можно узнать по тому, что могила огорожена и украшена надписями, или наконецъ встрѣчаются могилы мусульманскихъ святыхъ. Эти послѣднія могилы особенно тщательно оберегаются населеніемъ; онѣ окружены палисадниками и украшены рогами и конскими хвостами, прибитыми къ особому столбу, а также и цѣлымъ рядомъ шестовъ съ флагами. На концѣ шестовъ очень часто придѣланы высеребряныя металлическія руки съ раскрытою пядью.

Въ Дюшамбе мы пріѣхали около 3 часовъ пополудни и пріѣхали притомъ совершенно мокрыми, такъ какъ попеременно покрапывавшій съ утра дождичекъ недалеко отъ Дюшамбѣ разразился въ сильнѣйшій ливень, какъ разъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ негдѣ было укрыться. У меня съ братомъ не осталось ни единой сухой нитки, а сапоги наши были наполнены дождевою водою до краевъ, но хуже всего пришлось нашему

мирзѣ (чиновнику), у котораго не только халатъ, но и 12 аршинная чалма должны были превратиться въ весьма вѣскіе компрессы.

Дюшамбе представляетъ собою довольно большой городъ, съ обширнымъ базаромъ, на которомъ торгуютъ не только настоящіе бухарцы, но и довольно много бухарскихъ евреевъ (въ отличіе отъ мусульманъ они не имѣютъ права носить чалму). Какъ во всѣхъ почти городахъ и кишлакахъ, такъ и въ Дюшамбѣ мой чиновникъ имѣлъ знакомыхъ, изъ коихъ одинъ оказался не только грамотнымъ, но даже и ученымъ. Ученость его состояла главнымъ образомъ въ томъ, что имѣлъ онъ нѣсколько книгъ, изъ коихъ одна съ изображеніями животныхъ и растеній (рисунки были похожи на тѣ, которые встрѣчаются въ изданіяхъ XV и XVI вѣковъ), и въ знакомствѣ его съ кораномъ. Это былъ уже почтенный старикъ, нажившій себѣ состояніе и изъѣздившій всю Бухару, за исключеніемъ Баба-Тага. Съ удовольствіемъ разсказывалъ и привиралъ онъ о своихъ путешествіяхъ и похожденіяхъ, но какъ только дѣло доходило до Баба-Тага, то онъ почему-то, желая найти себѣ оправданіе тому, что не былъ на этихъ горахъ, говорилъ, что мѣстность эта нечиста, что тамъ змѣи о трехъ головахъ, что тамъ какія-то бездонныя пропасти, и рѣшительно отсовѣтовывалъ намъ ѣхать на Баба-Тагъ. Замѣчательно, что и раньше намъ о Баба-Тагѣ (въ переводѣ Старикъ-Гора), разсказывали всякія страсти и небылицы, а мой переводчикъ до того былъ напуганъ этими баснями, что говорилъ, что тамъ онъ по горамъ экскурсировать съ нами не будетъ.

Изъ Дюшамбе мы выѣхали на слѣдующій день (14 мая) около 3 часовъ пополудни и, переправившись въ бродъ черезъ Дюшамбе-дарью, направились на Гиссаръ.

Переправа черезъ Дюшамбе-дарью была довольно трудная; вслѣдствіе дождей рѣка и здѣсь сильно переполнилась, вода лошадямъ доходила почти до половины тѣла и, несмотря на принятыя предосторожности, часть уже высушенныхъ растеній подмокла, т. ч. первымъ нашимъ дѣломъ по пріѣздѣ въ Гиссаръ было перекладываніе подмоченныхъ растеній и вторичная ихъ сушка.

Несмотря на то, что Гиссаръ — столица обширнаго Гиссарскаго бекства и резиденція кучъ-беги (намѣстникъ эмира въ восточной Бухарѣ), въ данное время онъ былъ заброшенъ

и пустъ и имѣлъ весьма печальный видъ. Причиною тому было то, что гиссарскій кучъ-беги находился въ своей лѣтней резиденціи—въ Каратагѣ, а вмѣстѣ съ нимъ, какъ оказывается, переселяется почти вся торговля и большая часть населенія.

Изъ Гиссара мы выѣхали на слѣдующее утро (15 мая) и направились въ Каратагъ. Дорога равнинная и тянется почти все время по культурнымъ полямъ и по пастбищамъ, на которыхъ встрѣчались табуны лошадей, стада коровъ и масса овецъ. На спинахъ этихъ послѣднихъ нерѣдко можно было видѣть крупныхъ воронъ, усердно занятыхъ розыскиваніемъ, среди густой шерсти, червей и другихъ паразитовъ, причемъ и вороны и овцы нисколько не заботились другъ о другѣ. Часа за два ѣзды отъ Каратага насъ встрѣтилъ молодой татаринъ, переводчикъ кучъ-беги, поджидавшій насъ на дорогѣ уже съ самаго утра. Въ Каратагъ мы прибыли около 1 час. дня и, встрѣченные цѣлой пышной кавалькадой каратагской знати, направились въ помѣщеніе для гостей, находящееся рядомъ съ домомъ токсабая (совѣтника кучъ-беги).

Какъ вездѣ, такъ и въ Каратагѣ, мы пользовались всякими почестями; прибавилось только то, что кромѣ обычнаго обѣда и ужина, намъ приносили еще добавочно огромное блюдо риса и мяса „со стола кучъ-беги“.

На второй день, какъ и въ Бальджуанѣ, мы были приглашены къ беку (здѣсь кучъ-беги), а по возвращеніи домой получили подарки въ видѣ халатовъ [1]).

Въ Каратагѣ мы пробыли 2 дня и почти все время занимались разборкой и упаковкой растеній, которыхъ набралось свыше 2000 герб. листовъ и которыхъ мы отсюда прямо отослали въ Термезъ.

17 мая мы выѣхали изъ Каратага, а такъ какъ мостъ черезъ Каратагъ-дарью и здѣсь былъ снесенъ высокою водою, то оставалось только перейти ее въ бродъ и снова рисковать

---

[1]) Болѣе подробное описаніе Каратага, тамошнихъ нравовъ и личности кучъ-беги, имѣется у *В. И. Липскаго*, Горная Бухара. I стр. 105 — 111; прибавлю только, что переводчикъ кучъ-беги жалованья не получалъ, но разные побочные доходы давали ему, какъ онъ самъ разсказывалъ около 30 руб. въ мѣсяцъ, по его же словамъ токсабай получалъ жалованья 13 руб. въ годъ, а дохода до 200 руб. въ мѣсяцъ; въ такомъ же духѣ и остальныя должности. Изъ этого можно себѣ представить, до какой степени развито взятотничество.

подмочить вьюки. Къ счастью, благодаря заботамъ переводчика кучъ-беги, вся переправа совершилась весьма удачно и мы благополучно добрались до противуположнаго берега, откуда направились на Ширкенъ. Вся дорога большею частью обработана подъ разныя поля, а близь Ширкена, гдѣ мы были встрѣчены регарскимъ амлекдаремъ, встрѣчаются рисовыя поля и вообще вся мѣстность болотиста.

Ширкенъ небольшой кишлакъ, расположенъ на рѣчкѣ того же имени и преставляетъ собою какъ бы лѣтнюю резиденцію регарскаго амлекдаря. Въ Ширкенѣ мы остались до слѣдующаго утра и провели время весьма пріятно въ обществѣ амлекдаря, оказавшагося весьма веселымъ и разговорчивымъ собесѣдникомъ.

Изъ Ширкена мы направились къ югу по направленію къ Баба-тагу. Въ началѣ дорога шла вдоль Ширкенъ-дарьи, но вскорѣ мы свернули на востокъ и продолжали путь по многочисленнымъ арыкамъ низменной, мѣстами даже топкой равнины.

Обрабатываемыя рисовыя поля постепенно смѣнились пшеничными и ячменными и, наконецъ, подальше отъ кишлаковъ, обширными лугами, на которыхъ паслись стада довольно крупнаго рогатаго скота.

Вся эта мѣстность своимъ обиліемъ влаги и высокой густой растительностью нѣсколько напоминаетъ тугай.

Долженъ при этомъ замѣтить, что многія растенія какъ то: Achillea trichophylla, Anthemis altissima, Rumex, Crispus, Melilotus officinalis, Glycyrrhiza glabra, Cirsium arvense. var. incanum, а также Eremodaucus Lehmanni поразили меня своимъ ростомъ и цвѣтущимъ видомъ, что по всей вѣроятности находится въ зависимости отъ большого количества влаги, доставляемой арыками.

Въ 11 часовъ мы были встрѣчены аксакаломъ Акъ-кургана, у котораго и остановились обѣдать. Въ первомъ часу дня мы выѣхали изъ Акъ-кургана и, переправившись въ бродъ черезъ Каратагъ-дарью, вступили въ предгорье Баба-тага. Сразу вся картина измѣнилась: мы очутились въ мѣстности болѣе высокой, плохо орошаемой, и растительность являлась менѣе пышной. Въ началѣ дорога шла вдоль каменистаго русла какой то высохшей рѣки, а потомъ, постоянно подымаясь и спускаясь по невысокимъ холмамъ, доѣхали до Умара, расположеннаго въ предгорьи Баба-тага.

637

Растительность вдоль всей дороги состояла изъ немногихъ видовъ, исключительно травянистыхъ растеній; нигдѣ не видно было ни деревца, ни кустарника, даже въ самомъ кишлакѣ. Но, несмотря на малое количество видовъ (встрѣчались только Eremurus Olgae, Phyrethrum umbelliferum, Haplophyllum lasianthum и H. Sieversii, Kozlowia paleacea, Jurinea bipinatifida и многочисленные кустики Convolvulus subhirsutus и Althaea pallida), при полномъ отсутствіи деревъ и кустарниковъ, здѣшнюю растительность нельзя назвать бѣдной, она довольно таки пышна и своею пестротою до нѣкоторой степени даже привлекательна.

Въ третьемъ часу мы были встрѣчены умарскими властями и послѣ обычныхъ привѣтствій, намъ отвели помѣщеніе на дворѣ амлекдаря въ нарочно для насъ поставленной юртѣ.

Покончивъ съ укладкой собранныхъ по дорогѣ изъ Ширкена растеній, мы отправились на экскурсію въ ближайшія къ кишлаку окрестности.

Умаръ—небольшой кишлачекъ, расположенный въ неглубокой долинѣ между лессовыми холмами и окруженный со всѣхъ сторонъ обширными обработанными полями и пастбищами. Дома всѣ скучены и выглядятъ довольно невзрачно, такъ какъ не окружены зеленѣющими садами, какъ то бываетъ у большинства бухарскихъ селеній. Растительность довольно разнообразная; по дорогамъ встрѣчается много Eremurus Olgae, Lallemantia, Arnebia cornuta, Haplophyllum villosum, Eremostachys labiosa, Eremodaucus Lehmanni и масса Gentiana Olivieri, подальше въ поляхъ Cryptospora falcata, Malcolmia Bungei, Nigella integrifolia, Carum Capusii, Echinospermum echinophorum β Sessile, Psorolea drupacea и Scaligeria allioides, отдѣльными группами встрѣчаются Aphanopleura capillifolia, Valerianella truncata β muricata, Senecio Francheti, Bromus Danthoniae, Triticum Aegilops, Hordeum Caput Medusae и Turgenia latifolia, наконецъ въ очень ограниченномъ количествѣ встрѣчались Chardinia xeranthemoides, Salvia Sclarea и Salvia n. sp.

Говоря вообще о растительности этой мѣстности, нужно отмѣтить, что подлѣ самаго Умара видовъ было на много больше, чѣмъ по дорогѣ съ Акъ-кургана.

По возвращеніи нашемъ въ кишлакъ, съ наступленіемъ темноты, сталъ покрапывать дождь и разразилась непродолжительная, но сильная гроза.

На слѣдующій день (19 мая) въ 6 час. утра, при отличной погодѣ, покинули мы Умаръ съ его чуднымъ кумысомъ (Умаръ славится кумысомъ) и на бодрыхъ, крѣпкихъ лошадкахъ отправились въ Тиракъ.

Въ началѣ мы ѣхали лишь постепенно подымаясь по долинамъ между невысокими горами, а потомъ болѣе крутымъ подъемомъ черезъ небольшой перевалъ взобрались на самый хребетъ Баба-тагъ.

Почти до самаго перевала растительность была та же, что и въ Умарѣ; постоянно попадались обработанныя поля и пастбища безъ слѣдовъ деревъ, да стада овецъ, козъ и табуны лошадей.

Начиная же съ перевала, мѣстность, принимая болѣе горный характеръ, нѣсколько измѣнилась; начали появляться Phlomis betoniceafolia, Atriplex flabellum, Ferula diversivittata, Cousinia coronata, Salvia Hydrangea, Scutellaria orientalis, Inula grandis и единичныя деревца фишташки.

Въ первомъ часу дня мы пріѣхали въ Тиракъ, гдѣ были встрѣчены прикомандированными къ нашему каравану денаускими чиновниками [1]). Размѣстились мы въ двухъ большихъ юртахъ, поставленныхъ для насъ на вершинѣ горы.

Урочище Тиракъ не представляетъ собою кишлака (селенія), а состоитъ изъ отдѣльныхъ юртъ и саклей, отстоящихъ другъ отъ друга на значительномъ разстояніи; населеніе его занимается хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Все урочище занимаетъ огромную площадь и управляется аксакаломъ.

Юрта наша, какъ уже было сказано, находилась на самой вершинѣ горы; на сѣверѣ и западѣ виднѣлись покрытыя снѣгомъ горы Гиссарскія и горы окрестностей Байсуна, на востокѣ долина Кафирниганъ-дарьи, а на югѣ массивъ Чагама. Сѣверный склонъ нашей горы спускался обрывисто къ маленькому ручью съ полустоячей горько-соленой водой. Почва здѣсь состояла изъ красной, довольно рыхлой породы (по всей вѣроятности—вывѣтрившійся красный третичный песчаникъ) и почти

---

[1]) Умаръ принадлежитъ Гиссарскому бекству, а Тиракъ и остальная часть Баба-тага, по которой мы проѣзжали, денаускому. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній съ мѣстнымъ населеніемъ, денаускій бекъ выслалъ намъ двухъ своихъ чиновниковъ, которые и сопутствовали намъ по всему Баба-тагу до Ходжа-милькъ.

сплошь была покрыта Cousinia microcarpa, Cousinia integrifolia, Trigonella grandiflora и Atriplex flabellum.

Южный склонъ спускался отлого, былъ мѣстами обработанъ и на много богаче видами: группами встрѣчалась Althaea pallida, Carum Capusi, Onobrychis pulchella, Psorolea drupacea и въ меньшемъ количествѣ Cousinia pseudomollis, Scrophularia juncea, Heliotropium lasiocarpum, Stipa barbata var. Szovitsiana, Crossostephium Turkestanicum и Astragalus sp?.

Утромъ 20 мая мы отправились въ Чагамъ. Здѣсь предполагалась дневка съ тѣмъ, чтобы экскурсировать на перевалѣ Чаррага. Въ началѣ мы ѣхали по горько-соленому ручейку, вдоль котораго для удержанія воды были вырыты ямы въ видѣ маленькихъ бассейновъ; а потомъ, свернувъ немного на западъ, взошли на Чагамъ. Тутъ дорога нѣсколько измѣнилась; горы стали выше и скалистѣе, подъемы круче, и во множествѣ стала появляться фисташка—Pistacia vera, а также Tamarix florida var. rosea, Tamarix florida var. albiflora и Pterococcus aphyllus Pall. сплошь покрытый ярко-розовыми плодами.

Нужно замѣтить, что фисташка занимала всегда высокія и труднодоступныя мѣста, Tamarix-же преимущественно располагалась въ глубокихъ ущельяхъ, по которымъ текли ручьи.

Въ урочище Чагамъ, состоящее изъ небольшаго числа хижинъ и лежащее въ неглубокой котловинѣ, мы пріѣхали къ обѣду.

Ближайшія окрестности не представляютъ ровно ничего интереснаго, та же мало разнообразная, но еще болѣе бѣдная, чѣмъ въ Тиракѣ, растительность и тѣ же, невысокія, округленныя горы. Вообще наши предположенія о томъ, что Чагамъ во всѣхъ отношеніяхъ будетъ интересенъ, не оправдались, а потому, собравъ Centaurea squarrosa, Convolvulus subhirsutus, Atriplex flabellum, Arnebia cornuta, Delphinium rugulosum, Pyrethrum umbelliferum и Sisymbrium Sophia, представлявшія въ то время всю флору Чагама, мы порѣшили дневки не дѣлать, а на слѣдующее же утро отправиться въ Ой-булакъ, лежащій по прямой линіи въ 10 верстахъ отъ насъ. Это рѣшеніе было тѣмъ болѣе удачно, что оно давало намъ возможность не торопясь проѣхать перевалъ Чаррага, представлявшій интересъ для нашихъ сборовъ, и достаточно рано пріѣхать въ Ой-булакъ, чтобы набрать гербарный матеріалъ и въ этой мѣстности.

На слѣдующее утро (21 мая) мы выѣхали изъ Чагама въ 6 ч. утра и опять направились на югъ вдоль главнаго хребта. Но уже вскорѣ правильное расположеніе горъ измѣнилось, и мы вступили въ область горнаго узла, отъ котораго Баба-тагъ даетъ отроги на С.-З.

Во всемъ Баба-тагѣ эта мѣстность наиболѣе дикая и труднопроходимая: дорога вьется по крутому склону горы, какъ-бы по вырубленнымъ ступенькамъ, или наоборотъ,—ѣдешь по естественному карнизу, имѣя по одну сторону утесы, по другую—пропасть; нерѣдко дорога пролегаетъ въ руслѣ соленаго ручья, текущаго въ глубокомъ ущельѣ, а иногда приходится взбираться по столь крутому и трудному склону, что невольно удивляешься силѣ и ловкости мѣстныхъ лошадей. Подчасъ подъемы и спуски были настолько трудны, что приходилось слѣзать съ лошадей и двигаться полуползкомъ; удивительно, по этимъ крутымъ, покрытымъ скатывающимся щебнемъ горамъ наши лошади ступали смѣлѣе и вѣрнѣе, чѣмъ мы—непривычные.

Растительность и здѣсь не отличалась разнообразіемъ; собраны были: Astragalus Sieversianus Pall., Tragopogon major Jaq., Salvia Hydrangea Dc., Phlomis betoniceafolia Rgl., Capparis spinosa L., Lonicera arborea Boiss. var. Persica Rehder, Colutea Perrica Boiss L., Gentiana Olivieri Gris. и Rosa Ecae Aticht.; кромѣ этихъ растеній, во множествѣ встрѣчалась фисташка (съ еще незрѣлыми плодами), образующая мѣстами какъ-бы маленькія рощицы, а ближе къ Ой-булаку попадалась и арча.

Въ первомъ часу дня, послѣ 6-ти часовой ѣзды, мы наконецъ достигли кишлака Ой-булакъ, расположеннаго на склонѣ горы и со всѣхъ сторонъ окруженнаго арчевыми лѣсами. Лѣса эти начинаются немного сѣвернѣе Ой-булака, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Баба-тагъ становится выше, и гдѣ красные песчаники замѣщены бѣлыми. Вмѣстѣ съ появленіемъ арчи стали рѣже встрѣчавшіяся прежде повсюду фисташка, Althaea pallida, Convolvulus subhirsutus, Atriplex flabellum, Lallemantia и др., а взамѣнъ ихъ появились Acer monspessulanum L. var turkestanicum, Eremurus Korshinskii O. Fedtsh., Ferula diversivittata, Oxytropis Capusi, Astragalus Schrenkianus, Allium sarawschanicum и Allium tartaricum, Valeriana sisymbriefolia Desf. Rosa Ecae Aicht., Umbilicus Lieveni, Iris stolonifera

Maxim, Arum Korolkowi, Fritillaria Bucharica Rgl., Lonicera arborea Boiss. var. Persica Rehder, Ephedra procera и Juniperus excelsa M. B.

Ой-булакъ (-ой=мѣсяцъ, булакъ=источникъ) небольшой кишлакъ, расположенный на склонѣ хребта, и имѣетъ хорошій источникъ съ прозрачной и въ то время совершенно прѣсной водой [1]). Населеніе этого кишлака очень бѣдное и занимается главнымъ образомъ скотоводствомъ. По всему кишлаку бродятъ козы, нерѣдко забирающіяся даже на крыши домовъ, онѣ, по всей вѣроятности, сильно попортили окрестные лѣса— послѣдніе не имѣютъ почти никакого подлѣска, и видъ ихъ весьма печальный.

На слѣдующій день (22 мая) намъ предстояло пройти наивысшую часть Баба-тага. Съ самаго Ой-булака начался довольно крутой подъемъ; бѣднымъ нашимъ лошадямъ, особенно вьючнымъ, приходилось трудно, отъ времени до времени онѣ останавливались передохнуть, а потомъ, безъ всякаго понуканія, какъ-бы сознавая свой долгъ, продолжали карабкаться по трудной дорогѣ. Достигнувъ гребня хребта, намъ представилась величественная картина: налѣво отъ насъ безчисленными заворотами сверкала на солнцѣ Кафирниганъ-дарья, а направо, растилалась подъ нами цѣлая масса шатрообразныхъ горъ, за которыми въ туманѣ виднѣлась Сурханъ-дарья.

Арчевыя заросли мѣстами густѣли и принимали видъ лѣса, какъ у Ой-булака, мѣстами-же рѣдѣли или замѣщались Acer monspessulanum L. var. turkestanicum Franchet. Наконецъ арча совершенно прекратилась, а тѣ немногія деревья, которыя намъ еще попадались, имѣли весьма печальный видъ и были почти всѣ съ закрученнымъ стволомъ.

На всемъ этомъ пути до самаго Биби-чака намъ постоянно встрѣчались стада овецъ и козъ, а также небольшіе табуны лошадей и верблюдовъ.

Къ полудню мы прибыли въ Биби-чака, гдѣ насъ уже ожидали и устроили намъ большую и богатую юрту. По разбросанному расположенію жилищъ, Биби-чака во многомъ напоминалъ Тирака; онъ былъ покинутъ населеніемъ, и лишь

---

[1]) Въ дневникѣ (неизданномъ) академика С. И. Коржинскаго говорится, что источникъ этотъ горько-соленый.

пустующія хижины напоминали объ ушедшихъ на лѣто со своими стадами жителяхъ. Окрестности представляли изъ себя, какъ и въ Тиракѣ, округленные холмы, съ той только разницей, что вся мѣстность лежала выше.

Растительность,—состоящая изъ Echinospermum echinophorum Lipsky, Gentiana Olivieri Gris., Ranunculus linearilobus Bge., Euclidium syriacum, Amygdalus bucharica, Solenanthus Kuschakewiczi Lipsky, Astragalus Bungei C. W. & B. Fedtsch., Silene Sarawschanica, Eremostachys labiosa Bge., Carum Sogdianum, Prangos pabularia, Cryptospora falcata Kar. & Kir., Astragalus filicaulis F. & M. и нѣкоторыхъ другихъ, болѣе обыкновенныхъ видовъ (всего около 25),—была крайне неравномѣрно распредѣлена: мѣстами нельзя было найти и 3-хъ различныхъ видовъ, мѣстами-же (хотя рѣдко) почти всѣ имѣющіеся въ Биби-чакѣ виды находились на сравнительно небольшомъ участкѣ.

Биби-чака была нашей послѣдней стоянкой на Баба-тагѣ; мы перевалили наивысшую часть его, и на слѣдующій день (23 мая) было рѣшено свернуть на западъ и дойти до Ходжа-Милькъ.

Еще не было 6-ти часовъ утра, когда напъ маленькій караванъ покинулъ Биби-чака и потянулся на югъ. Въ началѣ дорога шла, какъ и въ предыдущіе дни, вдоль главнаго хребта, сложеннаго изъ вывѣтрившагося, съ корками бѣлой соли, сѣроватаго песчаника и ничего особеннаго изъ себя не представляла. Но недолго продолжалась эта дорога; вскорѣ мы свернули на западъ по склону небольшой долинки, почти сплошь усѣянной прекрасными Eremurus robustus Rgl., и начали спускаться съ главнаго хребта Баба-тага. Спускъ былъ довольно крутъ, лошади скользили, и приходилось ихъ часто перевьючивать, такъ какъ наши вещи постоянно сползали имъ на шею. Всѣ склоны, за исключеніемъ осыпей и обрывовъ, были покрыты арчей, Juniperus excelsa M. B., Acer monspessulanum L. var. turkestanicum, Zygophyllum atriplicoides и немногими деревцами фисташки—Pistacia vera L.

Между этими древесными породами росли Capparis spinosa L., Amberboa odorata, Phelipaea и Cousinia dichotoma.

Спустившись съ главнаго хребта, мы очутились опять въ области невысокихъ, состоящихъ изъ краснаго песчаника горъ, составляющихъ какъ нижнюю часть самаго хребта Баба-тагъ,

такъ и всѣ его невысокіе отроги, расположенные на западѣ отъ него. Въ этой области растительность была опять нѣсколько иною, арча и Zygophyllum atriplicoides совсѣмъ прекратились, а взамѣнъ ихъ опять появилась массами фисташка, Amygdalus bucharica Korsh., Colutea arborescens L., Rosa Webbiana Wall., Acanthophyllum pungens Boiss и вообще почти всѣ тѣ растенія, которыя встрѣчались намъ на Баба-тагѣ, до перевала Чаррага. Здѣсь дорога совершенно прекратилась, и мы стали двигаться на западъ по глубокому и дикому ущелью съ отвѣсными стѣнами. Дно здѣсь состояло мѣстами изъ однѣхъ голыхъ, водою наклонно обточенныхъ скалъ, а между ними протекалъ соленый ручеекъ. Для лошадей дорога эта была до крайности неудобна и тяжела; изъ нашихъ 12 лошадей лишь 3 ни разу не упали, остальныя-же всѣ соскальзывали, иногда по нѣсколько разъ, со скалъ и падали въ ручей, нерѣдко увлекая за собою и всадника. Но къ счастію намъ недолго пришлось ѣхать по этому ущелью; мы вскорѣ поднялись опять на горы и, проѣхавъ нѣкоторое время по самымъ вершинамъ ихъ, спустились въ небольшую и узкую долину. Здѣсь дорога стала легче, хотя поминутно приходилось перебираться съ одного берега протекающаго здѣсь горько-соленаго ручейка на другой и пробираться черезъ густыя заросли Tamarix florida, на которыхъ нерѣдко паразитировала Cistanche n. sp.

Наконецъ въ двѣнадцатомъ часу дня, мы вышли изъ этихъ ущелій на высокій, покрытый Delphinium semibarbatum и Phlomis bucharica Bge холмъ.

Здѣсь мы попрощались съ сопровождавшимъ насъ въ качествѣ проводника аксакаломъ Биби-чака. Мы находились уже во внѣшнемъ поясѣ Баба-тага, состоящемъ изъ безконечнаго числа невысокихъ холмовъ, тянущихся на западъ вплоть до Сурхана. Картина здѣсь сразу оказалась другою: куда ни взглянешь вездѣ сѣрые, выжженные холмы, однообразные и скучные. Нигдѣ не видно было зелени, все было выжженно или съѣдено саранчей, подымавшейся тучей при нашемъ проѣздѣ. Близость жаркой равнины Сурхана тоже давала себя знать, температура стояла невыносимая, а дуновеніе вѣтра, жаркого и сухого, было тѣмъ болѣе непріятно, что всѣхъ насъ томила страшная жажда.

Совершенно иными видѣли мы эти самые холмы предгорья

Баба-тага 6 недѣль тому назадъ, когда мы проѣзжали ихъ, немного южнѣе, у Тивакъ-тау. Тогда вся мѣстность была покрыта густымъ растительнымъ ковромъ, вездѣ пестрѣли милліоны цвѣтовъ, вездѣ паслись стада овецъ, и никогда въ то время и въ голову непришла-бы мысль, что въ столь непродолжительномъ времени мѣстность измѣнится до такой степени неузнаваемости.

Наконецъ, послѣ трехъ-часовой ѣзды по этимъ выгорѣвшимъ, пустыннымъ холмамъ, мы добрались до Сурхана, гдѣ встрѣтили юрту кочевника, у котораго и остановились на $^1/_2$ часа.

Далѣе дорога наша шла то по высокому лессовому берегу, то по прибрежнымъ тугаямъ Сурхана, и около 6-ти часовъ вечера мы прибыли въ Ходжа-Милькъ.

На слѣдующій день (24 мая) мы попрощались съ нашими денаускими чиновниками, сопровождавшими насъ во время нашего пребыванія на Баба-тагѣ, и поспѣшили въ Кокайты.

Въ Кокайты мы прибыли довольно рано и, пообѣдавъ, переправились черезъ Сурханъ и добрались къ вечеру въ Джаръ-курганъ; какъ-бы на прощаніе погода стояла теплая, ночь была прекрасная, и мы рѣшили переночевать въ саду подъ деревьями.

Рано утромъ на слѣдующій день (25 мая) мы собрались въ путь и къ обѣду уже находились въ Термезѣ.

Этимъ закончились наши странствованія среди бухарцевъ, о которыхъ мы сохранимъ немало интересныхъ воспоминаній.

Въ ожиданіи парохода мы пробыли въ Термезѣ 6 дней, этимъ временемъ мы занялись разборкой и укладкой коллекцій и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли возможность нѣсколько ознакомиться съ развалинами древняго Термеза и его окрестностей.

Время возникновенія этого города довольно древнее; уже въ VII стол. китайскій путешественникъ Сюанъ-цзанъ упоминаетъ что, „слѣдуя по теченію Окса, онъ пришелъ въ царство Та-ми (Термезъ). Здѣсь онъ нашелъ съ десятокъ монастырей и до тысячи монаховъ, кромѣ того, чудотворныя ступы и статуи Будды“ [1]). Дальнѣйшая судьба Термеза до середины XIV вѣка, когда посѣтилъ его арабскій путешественникъ Ибнъ-Батута,

---

[1]) *И. Минаевъ.* „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи“. 1879. стран. 58.

остается неизвѣстной. „Я пришелъ, говоритъ Ибнъ-Батута—въ Термезъ ...городъ большой и прекрасный; изобилующій деревами и водою“. Городъ этотъ, по его разсказу, былъ сначала построенъ на берегу Окса, а, по разрушеніи его Чингисомъ, въ двухъ миляхъ отъ рѣки былъ выстроенъ новый [1]).

Въ началѣ XV стол., по пути изъ Мерва въ Самаркандъ, Термезъ посѣтилъ посолъ Генриха III Кастильскаго, Рюи Гонзалезъ де Клавихо. Изъ Балха черезъ три дня Клавихо достигъ большой рѣки (Оксъ), черезъ которую путешественники перешли по мосту, выстроенному по приказанію Тимура. Въ тотъ же день къ вечеру они достигли Термеза. Термезъ, говоритъ далѣе Клавихо,—большой и многолюдный городъ, но безъ стѣнъ.

Кругомъ города много садовъ и каналовъ [2]). Этимъ и ограничиваются всѣ историческія свѣдѣнія о Термезѣ.

Обратимся теперь къ развалинамъ этого древняго, нѣкогда цвѣтущаго города, отъ котораго нынѣ остались лишь полуразрушенные минареты и громадныя кучи кирпичей.

Какъ уже было сказано, развалины эти занимаютъ огромную площадь на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ современнаго Термеза и состоятъ главнымъ образомъ изъ „мазаровъ“, т.-е. усыпальницъ тогдашней знати.

Изъ всѣхъ развалинъ наиболѣе важными и красивыми являются минареты Салтанъ-Саадатъ. Постройки эти раздѣлены какъ-бы на двѣ части: въ одной находятся главнымъ образомъ гробницы, въ другой, по всей вѣроятности, жили муллы.

Все зданіе имѣетъ массу куполовъ, нерѣдко съ узорчато выложенными кирпичами. Мѣстами купола пробиты и здѣсь видно, что они состоятъ лишь изъ одного слоя кирпича, причемъ внутренняя штукатурка отстоитъ отъ свода вершка на два и лишь мѣстами соединена съ куполомъ отдѣльными кирпичами. Лицевая сторона этихъ развалинъ покрыта цвѣтными изразцами, изображающими гирлянды цвѣтовъ и звѣзды, между которыми имѣются болѣе крупные изразцы съ арабскими письменами. Изразцы бываютъ самыхъ различныхъ размѣровъ, отъ 1 кв. см.—до $^1/_2$ кв. арш., причемъ форма ихъ самая

---

[1]) *Минаевъ* „Свѣд... стр. 76.

[2]) Стр. 78—79.

разнообразная; преобладающіе цвѣта: синій, голубой, бѣлый и золотой.

Къ сожалѣнію фасадъ уже сильно пострадалъ отъ времени; многіе изразцы валяются на землѣ, а многіе были выбиты мѣстными любителями „цвѣтныхъ камешковъ“. Внутренность помѣщеній для гробницъ не оштукатурена, и въ нихъ гробницы расположены правильными рядами. Нѣкоторыя гробницы помѣщены какъ бы въ склепѣ, причемъ и на склепѣ сдѣлана плита изъ кирпичей.

Подобіе же такого склепа, возвышающееся надъ уровнемъ земли на $1^1/_2$ аршина, находится и внѣ минарета передъ главнымъ входомъ; здѣсь черезъ пробитыя отверстія видны даже черепа и какія-то тряпки нѣкогда погребенныхъ здѣсь обитателей Термеза. Вторая половина этихъ развалинъ, гдѣ, по всей вѣроятности, жили муллы, раздѣлена на небольшія комнатки, причемъ стѣны оштукатурены и мѣстами даже выкрашены въ бѣлый или бурый цвѣта. Окна здѣсь обыкновенно заставлены кирпичною рѣшеткою, нерѣдко также рѣшеткою изъ изразцовъ. Къ сожалѣнію, Салтанъ-Саадатъ, какъ и остальныя развалины, научно совершенно не изслѣдованъ; все тутъ лежитъ подъ грудой мусора, обвалившагося кирпича, и изъ года въ годъ все болѣе и болѣе засыпается летучими песками.

Остальныя видѣнныя нами развалины почти всѣ были меньшихъ размѣровъ, и, вмѣсто цвѣтныхъ изразцовъ стѣны ихъ нерѣдко были украшены рельефными узорами изъ кирпичей.

Но между многочисленными развалинами изъ жженаго кирпича имѣются и нѣкоторыя изъ сырцоваго. Наиболѣе крупныя изъ нихъ, Кыръ-Кызъ, принадлежатъ, какъ разсказываютъ, какому-то древнему монастырю. Это довольно большое зданіе прямоугольной формы, съ башнями по угламъ и съ многочисленными полуподземными корридорами и кельями. Благодаря сухому климату, все зданіе еще довольно прочно и, при равныхъ климатическихъ условіяхъ пострадало лишь немного болѣе, чѣмъ зданія изъ жженаго кирпича.

Развалины Термеза были послѣднія, которыя мы посѣтили; онѣ состоятъ изъ башни, стоящей на почтовой дорогѣ, идущей къ Термезу, изъ мечети, въ которой погребенъ Термезъ, и изъ остатковъ крѣпости и моста. Башня стоитъ на значи-

тельномъ разстояніи отъ Аму-Дарьи, она сложена изъ прочнаго жженаго кирпича и весьма красива, т. к. нѣсколько выступающіе кирпичи образуютъ на ней изящные узоры. Вся башня высотою въ 6—7 саж. и, по всей вѣроятности, служила наблюдательнымъ пунктомъ. Рядомъ съ башней находится довольно глубокій колодецъ, въ данное время совершенно безъ воды.

Небольшая мечеть, въ которой погребенъ Термезъ, находится на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ отъ Аму-Дарьи, и сама по себѣ невзрачна и далеко не богата. Гробница Термеза находится въ отдѣльной комнаткѣ и выстроена изъ бѣлаго, мелкозернистаго, мраморовиднаго известняка [1]).

Длина гробницы около $1^1/_2$ саж., а высота отъ $2^1/_2$—3 арш. [2]), вся она покрыта выточенными узорами и надписями [3]) и весьма красива. Въ видѣ особаго почета вся гробница обыкновенно покрыта многочисленными покрывалами, которыя снимаютъ только для посѣтителей. Переводъ надписей на гробницѣ любезно сдѣланъ проф. В. В. Бартольдомъ и прилагается въ концѣ очерка.

Рядомъ съ мечетью находятся и развалины крѣпости; онѣ представляютъ собою прямоугольную груду кирпичей и выходятъ одной стороной на Аму-Дарью. Въ этой массѣ можно различить болѣе высокую часть, идущую кругомъ и представляющую изъ себя крѣпостной валъ, и болѣе низкую, внутреннюю часть, сплошь заваленную кирпичнымъ мусоромъ и пескомъ. Остатки выходныхъ воротъ и глубокаго рва, о которыхъ говоритъ В. И. Мушкетовъ въ своемъ „Туркестанѣ“ (I, стр. 578), мнѣ видѣтъ не удалось.

У самой крѣпости, вдаваясь въ Аму-Дарью, находятся и весьма сомнительные остатки моста. Они состоятъ изъ невысокой, аршина въ $1^1/_2$, кирпичной набережной и такой же высоты кирпичныхъ выступовъ, вдающихся въ рѣку приблизительно на $1^1/_2$ саж. Эти выступы представляютъ будто-бы остатки устоевъ нѣкогда существовавшаго здѣсь моста. Остатки древняго города Термеза, какъ и всѣ остальныя многочисленныя развалины этой мѣстности, намъ видѣть не удалось.

---

[1]) *Мушкетовъ И. В.*, Туркестанъ, I, стр. 578.

[2]) У Мушкетова ошибочно высота обозначена $1^1/_2$ арш.

[3]) „Всѣ надписи сняты г. Лящуновымъ“ *Мушкетовъ И. В.*, Туркестанъ, I, стр. 578.

Въ заключеніе замѣчу, что если не будутъ приняты мѣры къ сохраненію этихъ развалинъ, онѣ въ скоромъ времени совершенно исчезнутъ. Кирпичъ ихъ, по качеству, на много превосходитъ кирпичъ современной выдѣлки, а потому представляя собой чудный строительный матеріалъ, онъ является предметомъ постоянныхъ хищничествъ со стороны русскаго населенія. На одномъ мѣстѣ мнѣ даже показали груду мелкихъ обломковъ кирпича, представлявшую жалкіе остатки еще только два года тому назадъ стоявшихъ здѣсь развалинъ „Афганъ-Мазаръ“.

Наконецъ 30 мая прибылъ пароходъ аму-дарьинской флотиліи, и въ ту же ночь мы покинули Термезъ и направились въ Чарджуй.

Аму-Дарья, или Оксусъ, главная рѣка Средней Азіи, образуется изъ цѣлаго ряда рѣкъ, берущихъ свое начало въ горахъ Памира, и названіе Аму-Дарьи принимаетъ только по сліяніи съ послѣднимъ большимъ притокомъ – Вахшемъ. Отсюда, т.-е. отъ мѣста впаденія р. Вахшъ, Аму-Дарья значительно расширяется, достигая мѣстами ширины въ нѣсколько верстъ [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и характеръ рѣки — изъ горной она становится равнинной.

Но, несмотря на всю свою ширину, она немного выше Термеза проходима въ бродъ. Теченіе ея очень быстрое и въ такой степени неравномѣрное и измѣнчивое, что изо дня въ день главное русло рѣки измѣняется. Берега ея низменны, пустынны и мѣстами покрыты значительными тугаями.

Съ основаніемъ современнаго русскаго Термеза потребовалась связь съ остальной Россіей; за послѣдніе годы установлены пароходные рейсы между Термезомъ и Чарджуемъ. На протяженіи этого пути пароходы заѣзжаютъ также въ Келифъ и Керки, представляющіе единственные пункты, имѣющіе нѣкоторое значеніе; первое въ виду стоянки болѣе крупнаго русскаго пограничнаго поста и лежащаго на противоположномъ берегу афганскаго поста, второе въ виду стоянки батальона русскихъ войскъ и вслѣдствіе болѣе крупной торговли.

Пароходы всѣ колесные [2]), плоскодонные и мелкосидящіе;

---

[1]) Ширина ея при впаденіи Сурхана 2½ версты, у Термеза 1½ в., а сейчасъ-же за Келифомъ отъ одного берега до другого (включая и острова) она равняется 6-ти съ лишкомъ верстъ.

[2]) Отопленіе—мазутовое.

принадлежатъ они правительству и, кромѣ пассажировъ, принимаютъ только казенные грузы, буксируемые вверхъ по теченію на баржахъ.

Для судоходства Аму-Дарья весьма неудобна: она мелководна, имѣетъ массу перекатовъ и мелей, и оріентироваться можно только по характеру ряби на поверхности воды, такъ какъ отъ громадной примѣси взвѣшенныхъ частицъ лёсса и песку свѣтло-бураго цвѣта вода совершенно непрозрачна [1]). Къ сожалѣнію, признакъ этотъ, по которому опытные лоцмана судятъ о пути, котораго они должны придерживаться, весьма непадежный и примѣнимъ только днемъ (на ночь пароходъ пристаетъ къ какому-нибудь пустынному берегу), и даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ поминутно случается натыкаться на мели. Удары, получаемые при этомъ штурваломъ, настолько сильны, что рулевымъ [2]) за малѣйшую неосторожность, нерѣдко приходится жестоко платиться.

При насъ одного изъ рулевыхъ подбросило на значительную высоту и до того расшибло, что его подняли въ безсознательномъ состояніи, а за нѣсколько недѣль до этого случая, на нашемъ-же пароходѣ, одному изъ нихъ рукояткой поранило бокъ и поломало нѣсколько реберъ. Для возможнаго предупрежденія о встрѣчающихся меляхъ, на носовой части парохода все время стоитъ матросъ, который футштокомъ измѣряетъ глубину и выкрикиваетъ ее лоцману, какъ только глубина становится менѣе 4 футовъ. Обыкновенно не проходитъ и 10 минутъ, чтобы матросъ не крикнулъ-бы „4 фута! 3 фута! $2^1/_2$!“, затѣмъ сильный толчекъ, и пароходъ сидитъ на мели. Въ большинствѣ случаевъ, мели эти небольшія и представляютъ собою перекаты. Въ такихъ случаяхъ стараются взять ихъ приступомъ, и, продолжая работать машиной, медленно переползаешь черезъ препятствіе. Но случается и такъ, что, проработавъ на одномъ мѣстѣ цѣлый часъ, а иногда и болѣе, и поломавъ у колесъ не мало лопастей, по 3 руб. 50 коп. каждая, въ концѣ концевъ выясняется, что находишься не на вѣрномъ пути и, выбравшись обратно, пробуешь счастіе на

---

[1]) О количествѣ взвѣшенныхъ въ водѣ минеральныхъ частицъ можно судить по получаемому отъ стакана Аму-Дарьинской воды, осадка въ количествѣ $^1/_5$.

[2]) Рулевыхъ всегда 2, и работа ихъ настолько утомительна, что требуетъ ежечасной смѣны.

другомъ мѣстѣ. Эти задержки отъ большого числа мелей (вслѣдствіе постоянныхъ перемѣщеній, полная невозможность обозначить ихъ на картахъ), до того затрудняютъ правильность сообщенія, что невозможно съ нѣкоторой точностью опредѣлить время, потребное для совершенія путешествія отъ Термеза до Чарджуя.

Внизъ по теченію требуется обыкновенно отъ $2^1/_2$—4 дней, вверхъ же отъ 4—7 дней, но нерѣдкостны и случаи, когда на это путешествіе требовалось и двѣ недѣли, а пассажирамъ, за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, приходилось недоѣдать. Къ счастію для насъ, мы доѣхали до Чарджуя въ $2^1/_2$ дня и доѣхали бы даже въ 2 дня, если бы не были уже въ виду Чарджуйскаго моста неожиданно остановлены на $^1/_2$ сутки неусмотрѣнною мелью.

Здѣсь намъ еще разъ воочію пришлось убѣдиться въ далеко несправедливомъ отношеніи русскихъ къ бухарцамъ, которыхъ они нерѣдко съ презрѣніемъ называютъ животными. Уже въ Термезѣ, при покупкѣ билетовъ, насъ чрезвычайно поразило то обстоятельство, что бухарцамъ билетовъ I класса не продавали, а давали только III класса (II кл. на пароходѣ нѣтъ); причемъ даже такому болѣе или менѣе интеллигентному бухарцу, какъ какой-то бекча (въ чинѣ приблизительно уѣзднаго старшины), рѣшительно было отказано въ I кл., и онъ вмѣстѣ съ публикой III кл. долженъ былъ довольствоваться тѣсной нижней палубой. Еще большее различіе между русскими и бухарцами было сдѣлано, когда нашъ пароходъ крѣпко засѣлъ на мель и намъ не удавалось съ нея сойти. Рѣшено было пароходъ нашъ облегчить,—для этого первымъ дѣломъ высадили конечно всѣхъ бухарцевъ, въ томъ числѣ и бекча, и только нѣсколько человѣкъ русскихъ. Высадили этотъ балластъ вмѣстѣ со скарбомъ, и, нисколько не смущаясь и не церемонясь, прямо на низменный, болотистый берегъ, гдѣ при каждомъ шагѣ вязли на $^1/_2$ аршина въ мокромъ, илистомъ грунтѣ. Только по прошествіи 2 часовъ, когда, поломавъ и послѣднія оставшіяся лопасти колесъ, намъ наконецъ удалось сойти съ мели, несчастныхъ снова приняли на бортъ, ругаясь, что изъ-за нихъ пришлось задерживаться.

Подобное же обращеніе съ бухарцами мы встрѣчали и въ Чарджуѣ, и въ Бухарѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ между прочимъ оригинально то, что на 12-ти верстной желѣзнодо-

рожной линіи, соединяющей Новую Бухару (Каганъ) со Старой Бухарой, русскіе, а въ томъ числѣ и евреи, пользуются II классомъ съ билетами III кл., между тѣмъ, какъ это право не предоставлено туземцамъ. Это преимущество русскихъ тѣмъ болѣе оригинально, что, какъ мнѣ передавали, линія эта была построена на спеціальныя средства эмира.

Все это, конечно, относится къ настоящимъ бухарцамъ, народу миролюбивому и угнетенному; что-же касается сартовъ Самарканда и другихъ русскихъ областей, то они уже настолько обрусѣли, что даже если не говорятъ по русски, то ужъ, навѣрно, прекрасно ругаются и въ обиду себя не дадутъ.

Оканчивая настоящее описаніе, подвожу при семъ итогъ выяснившихся пока результатовъ моей поѣздки:

1. Собранъ обширный гербарный матеріалъ, около 450 видовъ и разновидностей, притомъ въ значительномъ количествѣ экземпляровъ.

2. Въ числѣ собранныхъ видовъ преобладаетъ весенняя растительность, которую въ Бухарѣ до сихъ поръ мало собирали.

3. Открыто нѣсколько новыхъ видовъ и разновидностей.

4. Въ числѣ собраннаго матеріала, кромѣ новыхъ формъ, имѣются также нѣкоторыя растенія, впервые найденныя въ Средней Азіи и Бухарѣ.

5. Подготовленъ матеріалъ для изданія Flora turkestanica exsicata.

6. Произведены ботанико-географическія наблюденія надъ распредѣленіемъ растительности горной и равнинной.

7. Выясненъ характеръ растительности Баба-тага, и установлены главныя растительныя формаціи этого хребта, въ зависимости отъ физико-географическихъ условій.

8. Собрана коллекція насѣкомыхъ.

9. Привезено небольшое количество изразцовъ съ развалинъ окрестностей Термеза.

Гербарный матеріалъ уже частью поступилъ въ Императорскій СПБ. Ботаническій Садъ, въ Императорскую Академію Наукъ и въ Императорскій СПБ. Университетъ, часть дублетовъ отпущена за границу.

Коллекція насѣкомыхъ поступила въ Зоологическій Музей

Императорской Академіи Наукъ; коллекція изразцовъ передана въ музей восточнаго факультета Императорскаго СПБ. Университета.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ выразить искреннюю признательность учрежденіямъ и лицамъ, оказавшимъ любезное содѣйствіе и преподавшимъ добрый совѣтъ, что дало мнѣ возможность совершить интересное путешествіе и облегчило выполненіе возложенной на меня задачи.

Переводъ надписей на гробницѣ Термеза, составленный проф. В. В. Бартольдомъ.

Изображеніе памятника было помѣщено въ брошюрѣ „Протоколъ засѣданія Общаго Собранія членовъ Туркестанскаго Кружка любителей археологіи, состоявшагося 29 августа 1897 года“; тамъ же (стр. 17), съ большими пропусками и неточностями, напечатанъ арабскій текстъ надписей.

Переводъ. По верхнему карнизу и въ пяти среднихъ строкахъ: „Во имя Его, Которому хвала. Это—мѣсто погребенія шейха, имама, знающаго, святого, Абу-Абдаллаха Мухаммеда, сына Алія, ал-Хакима термезскаго, да помилуетъ его Богъ. Онъ былъ изъ великихъ главарей и изъ главныхъ шейховъ, обладателемъ высокаго краснорѣчія и авторомъ извѣстныхъ книгъ, и ссылался на высокіе авторитеты; онъ раздѣлялъ съ Абу-Абдаллахомъ бухарскимъ, авторомъ (книги) „Сахихъ“ [1]), нѣкоторыхъ изъ его шейховъ (учителей) и учился фикху (законовѣдѣнію) у нѣкоторыхъ ханифитскихъ [2]) факиховъ (законовѣдовъ), да помилуетъ ихъ Богъ. Скончался онъ, да помилуетъ его Богъ, въ 255 году“ (869 г. по Р. Хр.).

Въ боковыхъ сегментахъ (начиная справа):

„Онъ былъ изъ познавшихъ Бога, великаго и славнаго, и Его повелѣнія, изъ понимавшихъ непосредственнымъ созерцаніемъ смыслъ того, что ими передавалось, поддерживав-

---

[1]) Абу-Абдаллахъ Мухаммедъ, сынъ Исмаила, бухарскій, авторъ сборника изреченій, приписанныхъ пророку, подъ заглавіемъ: „ал-Джами ас-Сахихъ“ (достовѣрный сборникъ). Умеръ въ 256 г. хиджры (870 г. по Р. Хр.).

[2]) Т.-е. послѣдователей Абу Ханифы, главы одного изъ четырехъ правовѣрныхъ мусульманскихъ толковъ.

шихъ взглядъ, что истина у Бога, Которому хвала. Онъ тотъ, который говорилъ: Я не сочинилъ ни одной буквы по (заранѣе принятому) намѣренію, но когда для меня наступало бѣдственное и тяжелое время, я находилъ утѣшеніе въ своихъ сочиненіяхъ".

Надпись на цоколѣ на фотографіяхъ почти не видна; начало надписи (по тексту, напечатанному въ „Протоколѣ Туркестанскаго кружка"): „Сказалъ пророкъ—да благословитъ его Богъ и да привѣтствуетъ: „когда вы будете смущены обстоятельствами (жизни), ищите помощи у лежащихъ въ могилахъ".

ДОПОЛНЕНІЯ.

Въ виду того интереса, который представляютъ для ботаниковъ возможно полные списки растеній отдѣльныхъ областей, считаю не лишнимъ въ настоящемъ дополненіи привести цѣлый рядъ ихъ, опредѣленныхъ уже во время печатанія настоящей статьи и въ нее не вошедшихъ.

Къ стр. 596. У станціи Сарай-Акъ-рабатъ: Corydalis Sewerzowi Rgl. nov. var. versicolor Fedtsch. и Gagea pusilla R.

Къ стр. 597. У станціи Ляйляканъ: Sinapis arvensis, Hordeum murinum L., Nonnea picta (MB.) F. & M. и Chara sp.

Къ стр. 598. У станціи Ангоръ: Bellevalia atroviolacea Rgl.

Къ стр. 600. Пески Ходжа-гальсуаръ: Koelpinia linearis, Astragalus filicaulis F. & M., Astragalus flexus Fisch., Nonnea picta (MB.) F. & M., Hypecoum pendulum L., Goldbachia laevigata DC., Bromus tectorum L., Malcolmia Bungei Boiss, Lallemantia sp.

Къ стр. 600. У поста Хатынъ-рабатъ: Gagea reticulata R.

Къ стр. 602 и 603. Горы Кайки-тау: Scorzonera acrolasia Bge., Sisymbrium Sophia L., Lepidium perfoliatum L., Lepidium Draba L., Veronica argute-serrata Rgl. & Schmlh., Ranunculus leptorrhynchus Ait. & Hemel., Erodium ciconium W., Erodium cicutarium L'Her., Scorzonera tuberosa Pall.,

554

Gagea stipilata Merkl., Scorzonera acrolasia Bge., Garhadiolus Hedypnois (Fisch. & Mey.) Iaub & Sp., Ixiolirion tataricum Pall., Astragalus filicaulis F. & M., Trigonella grandiflora Bge., Dufresnea orientalis DC., Carduus pycnocephalus Iacq., Asperugo procumbens L., Bromus tectorum L., Astragalus filicaulis F. & M., Matricaria lamellata Bge., Malcolmia Bungei Boiss., Lepyrodiclis holosteoides Fenzl. и Tetracme quadricornis.

Къ стр. 606. Кишлакъ Джаръ-курганъ: Adonis aestivalis L., Trigonella grandiflora Bge., Echinospermum echinophorum (Pall.) Lipsky, Fumaria Vaillantii Lois., Delphinium rugulosum Boiss., Hyoscyamus pusillus L., Hypogomphia Turkestanica Br., Asperugo procumbens L., Veronica argute-serrata Rgl. & Schmlh., Nonnea picta (MB.) F. & M., Anchusa italica Retz., Garhadiolus papposus Boiss. & Buhse., Capsella bursa pastoris Moench. Lepidium Draba L., Lepyrodiclis holosteoides Fenzl, Sisymbrium pumilum Steph., Alyssum dasycarpum Steph., Alyssum minimum, Chorispora tenella Pall., Carex physodes MB., Matricaria Chamomilla L. и Koelpinia linearis.

Къ стр. 609. Баба-тагъ у Тивакъ-тау: Tetracme quadricornis, Lallemantia sp., Gagea stipilata Merkl.

Къ стр. 614. Горы Ходжа-Козьянъ у Кабадіана: Ranunculus linearilobus Bge., Ixiolirion tataricum Pall., Centaurea Calcitrapa L., Malva borealis Walm., Veronica Buxbaumii Ten., Ranunculus muricatus L., Euphorbia helioscopia L. Asperugo procumbens L., Micropus erectus L., Heteracia Szovitsii Fisch. & Mey., Malcolmia africana R. Br. Malcolmia Bungei Boiss., Echinospermum polymorphum Lipsky, Hordeum distichum L. Bromus tectorum L., Poa bulbosa L., Hordeum crinitum Derf., Papaver pavoninum Schr., Cryptospora falcata Kar. & Kir., Iris orchioides Carr., Trigonella orthoceras Kar. & Kis., Astragalus filicaulis F. & M., Brassica juncea (L.) Czern., Taraxacum monochlamydeum H. M., Oxalis corniculata, Brachypodium distachyon Beauv.

Къ стр. 616. Равнины къ югу отъ Курганъ-Тюбе: Astragalus grandiflorus, Hypogomphia Turkestanica Rgl., Carduus pycnocephalus Iacq., Imperata cylindrica Beauv., Astragalus filicaulis F. & M., Cynoglossum pictum Ait., Hyoscyamus niger L., Echinospermum echinophorum (Pall.) Lipsky. B. Sessile Lipsky, Tamarix Meyeri Boiss. Trigonella grandiflora

Bge., Eufragia latifolia Grieseb., Filago Germanica L., Micropus erectus L., Galium asprellum Mixch., Alyssum desertorum Stapf., Poa bulbosa L. var. vivipara., Aegilops squarrosa L., Hordeum crinitum Desf., Hordeum murinum L., Bromus scoparius L. Sonchus arvensis L., Festuca Myurus, Phleum asperum Vill., Lycium turcomanicum F. & M., Tetradiclis salsa Stev., Statice leptostachya Boiss., Statice myrsinoides Rgl., Senecio coronopifolius Desf., Phelipaea aegyptiaca Pers., Malcolmia africana R. Br. Arnebia cornuta F. & M., Statice spicata W. Alopecurus agrestis L., Atriplex flabellum Bge.

Къ стр. 622. Кулябъ у тугая: Heleocharis palustris (L.) R. Br., Ranunculus muricatus L., Medicago denticulata Willd., Helosciadium nodiflorum Koch., Epilobium hirsutum L., Hypogomphia Turkestanicum Bg., Cerastium semicandrum L., Carex diluta MB., Lathyrus sphaericus Retz., Ervum tetraspermum L., Taraxacum monochlamydeum H. M., Carex acutiformis Ehr., L., Rumex pulcher L., Achillea pubescens L., Carduus picnocephalus Iacq., Foeniculum officinale All., Anchusa italica Retz., Milium vernale MB., Bromus scoparius L., Bromus tectorum L., Bromus sterilis L.

Къ стр. 623. По дорогѣ въ Бальджуанъ: Gladiolus segetum Ker., Astragalus mirabilis Lipsky., Echinospermum polymorphum., Astragalus mucidus Bge., Filago canescens Iord.

Къ стр. 626. Горы къ сѣверу отъ Бальджуана: Veronica argute-serrata Rgl. & Schmlh., Lathyrus Aphaca L. Ervum Lens L., Ranunculus arvensis L., Ixiolirion tataricum Pall., Galium tricorne With', Carum Sogdianum Lipsky, Anchusa italica Retz., Astragalus mucidus Bge., Gentiana Olivieri Griesb., Rochelia cardiosepala Bge., Neslia paniculata L. Ranunculus tenuilobus Rgl., Cryptospora falcata Kar. & Kir., Adonis aestivalis L., Acanthocephalus Benthamiamus Rgl. & Schmlh., Prangos pabularia Lindl., Carex abaesa All., Haplophyllum Sieversii Fisch.

Къ стр. 628. Перевалъ Гули-зинданъ: Prangos pabularia Lindl., Vinca erecta R. & S., Pedicularis pycnantha Boiss., Poa bulbosa L., Carex obaesa All., Heteranthelium piliferum Hochst., Trigonella grandiflora Bge., Gentiana Olivieri Grisb., Bongardia chrysogonum Boiss., Ranunculus linearilobus Bge., Anemone coronaria L., Sageretia Brondrethiana Aicht., Lepyrodiclis holosteoides Fenzl., Galium tricorne With., Sclerochloa

dura Beauv., Heteranthelium filiferum Hochst., Bromus scoparius L.

Къ стр. 629 и 630. Тутъ-каулъ: Gladiolus segetum Ker., Allium tartaricum L., Potentilla reptans L., Colutea Persica Boiss. β. Buhse. Boiss. (въ статьѣ по ошибкѣ указано Colutea arborescens, Trigonella grandiflora Bge., Hypericum scabrum L., Gentiana Olivieri Grisb., Oxytropis Capusi, Cryptospora falcata Kar. & Kir. Astragalus filicaulis F. & M., Anemone coronaria L., Eremurus comosus O. Fedtsch., Arnebia cornuta F. & M., Malcolmia Bungei Boiss., Crepis pulcher L., Achillea pubescens L., Centaurea calcitrapa L., Glaucium fimbrilligerum Boiss., Lallemantia, Nepeta Sewerzowi Rgl., Echinospermum polymorphum Lipsky., Sonchus arvensis L, Dianthus crinitus Sm., Orobanche orientalis Beck., Galagania fragrantissima Lipsky, Scrophularia juncea Richter, Andrachne telephioides, Capparis spinosa L., Phleum asperum Vill., и Triticum triunciale Gr. & Godr.

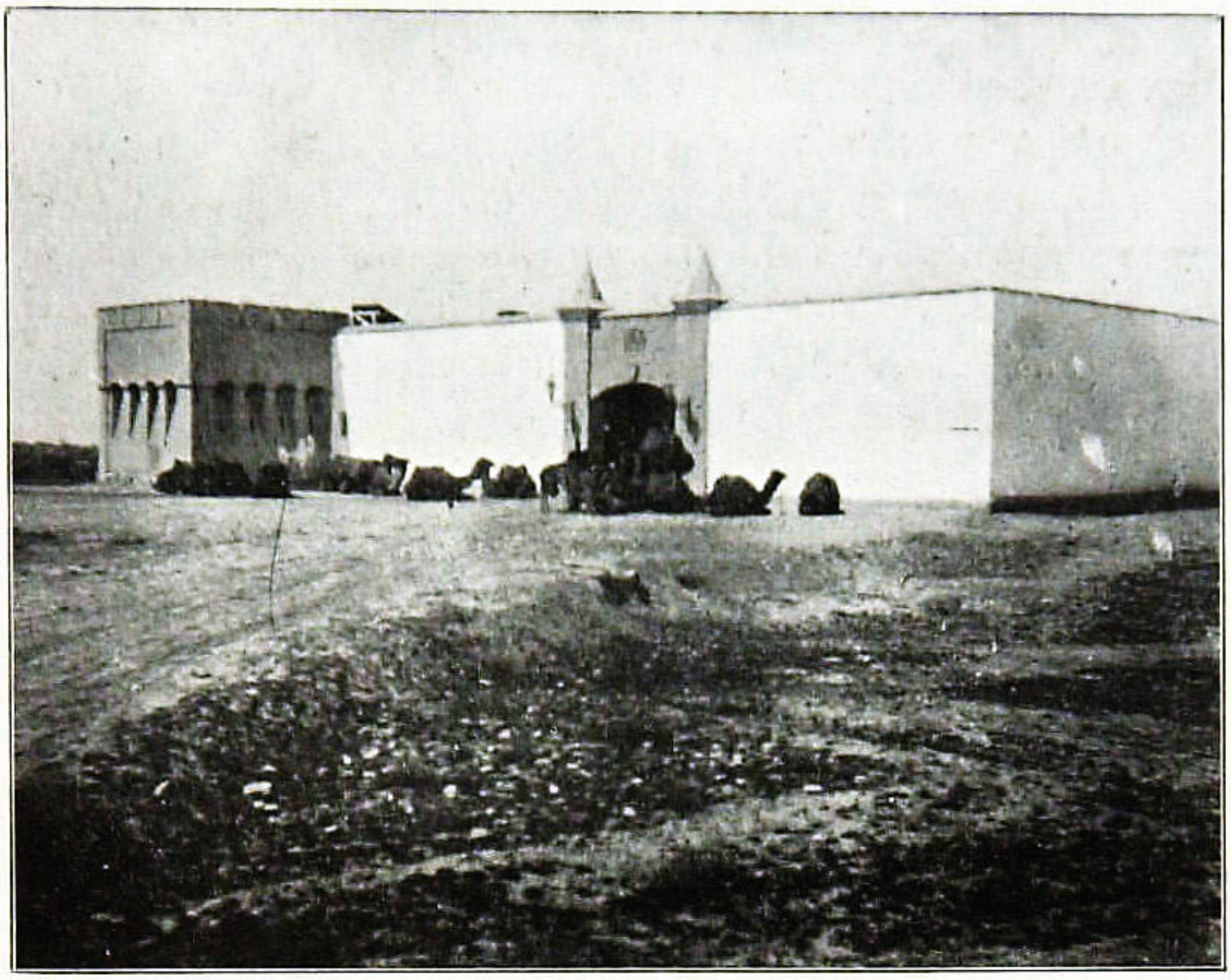
Къ стр. 637. У кишлака Умаръ: Echinospermum polymorphum, Spinacia tetrandra Stev. Vaccaria parviflora Moench, Reseda luteola L, Spinacia tetrandra Stev., Centaurea Balsaminta Lam., Centaurea Calcitropa L.

Къ стр. 638 и 639. У Тирака: Papaver pavoninum Sch, var. albiflorum, Triticum triunciale Gr. & Gadr., Centaurea squarrosa W.; Haplophyllum Sieversii Fisch., Hypecoum pendulum L, Trigonella grandiflora Bge.

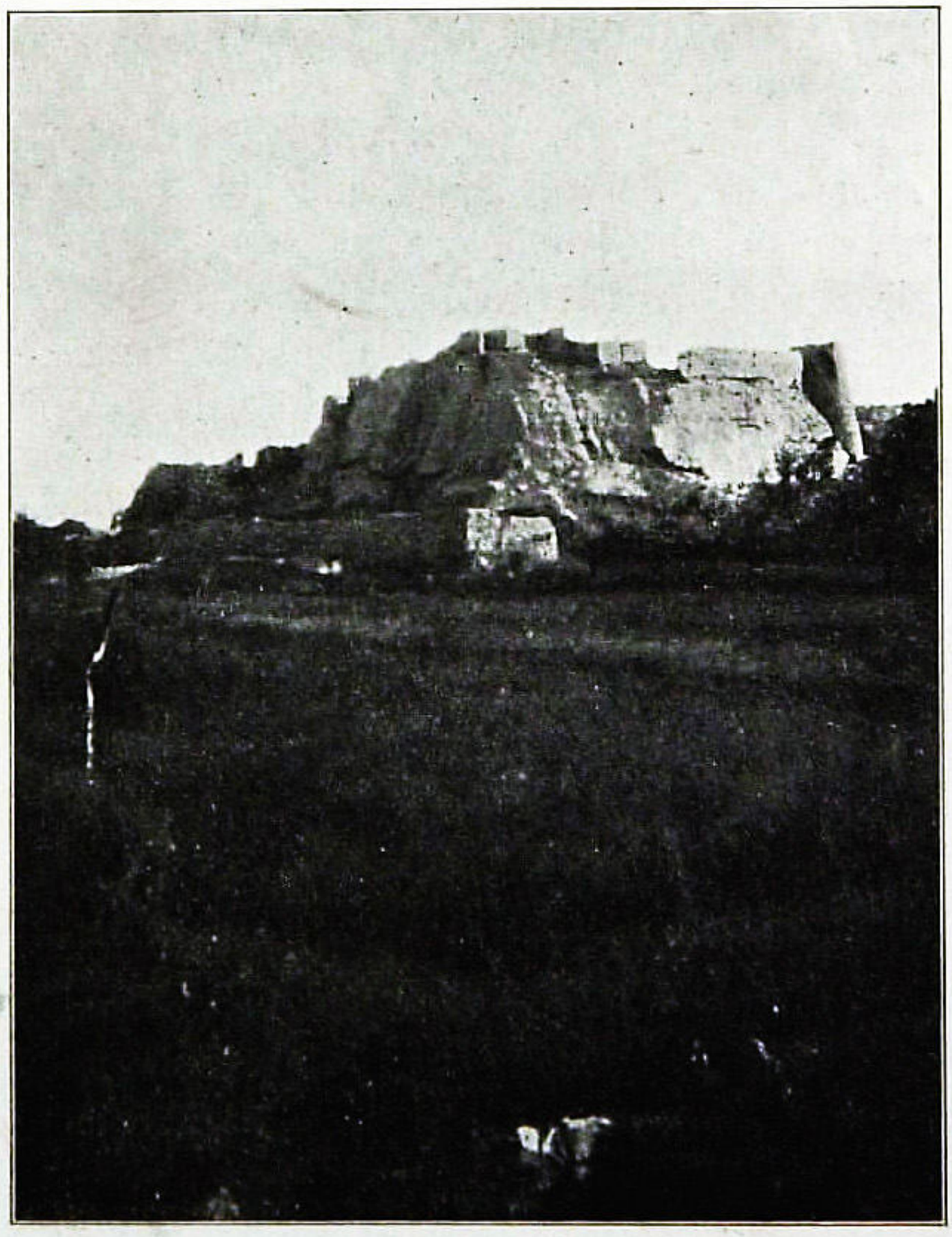
Къ стр. 640. У перевала Чаппара: Solenanthus petiolaris DC. У кишлака Ой-булакъ: Geranium pusillum L., Hypericum scabrum L.

Къ стр. 642. Кишлакъ Биби-чака: Hypericum scabrum L., Adonis aestivalis L., Hypecoum pendulum L., Ceratocephalus falcatus Pers., Poa bulbosa L. var. elanata Staf., Acer monspessulanum L. var. turkestanicum Franchet., Neslia paniculata L. Turgenia latifolia Hoffm.

Къ стр. 643. При спускѣ съ Баба-тага: Carthamus oxyacanthus MB. Cousinia dichotoma Bge., Delphinium rugulosum Boiss., Orobanche cernua Loeffl., Amberboa odorota DC. var. bucharica CW. и Capparis spinosa L.

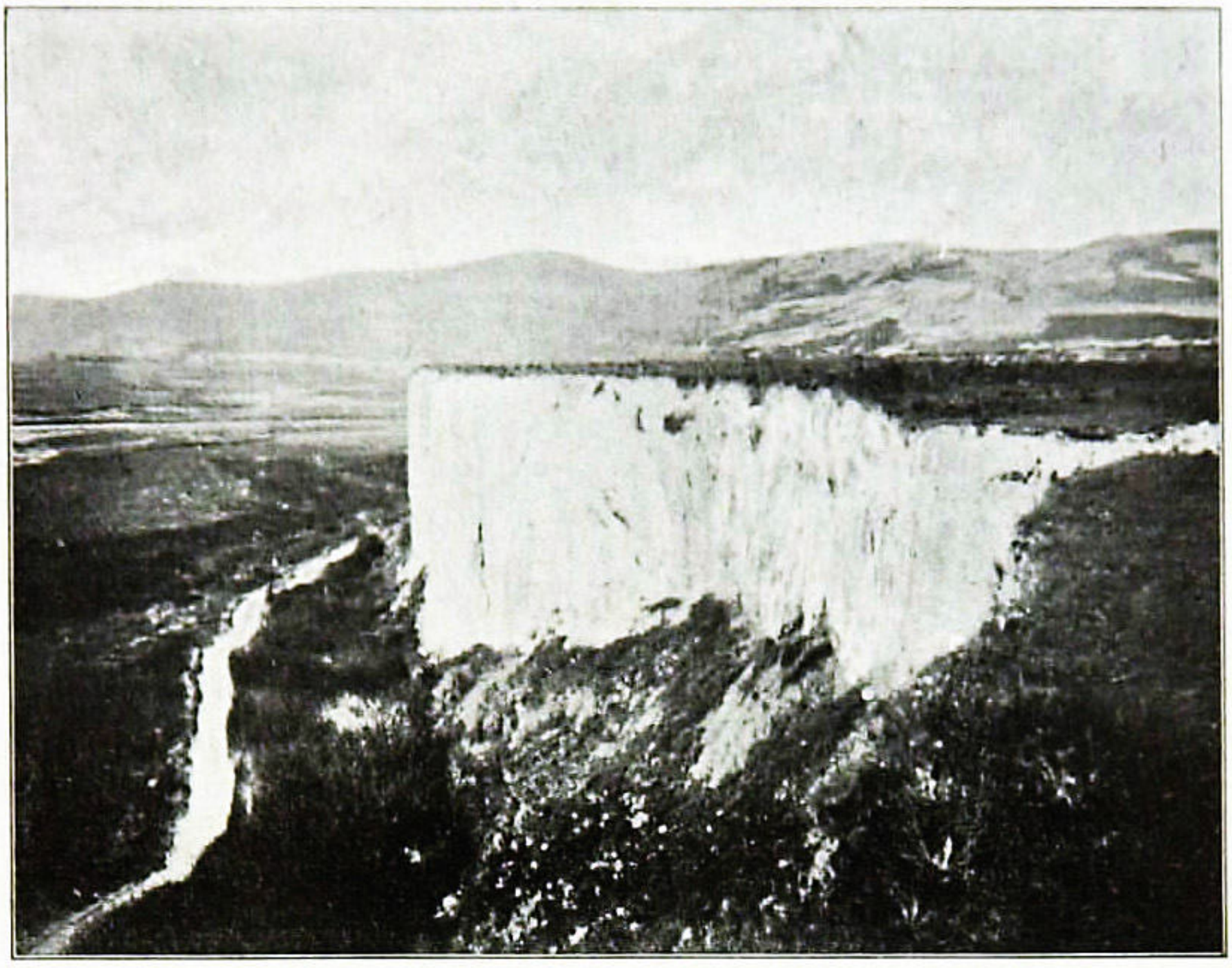

1. Станція на почтовомъ трактѣ Самаркандъ-Термезъ.

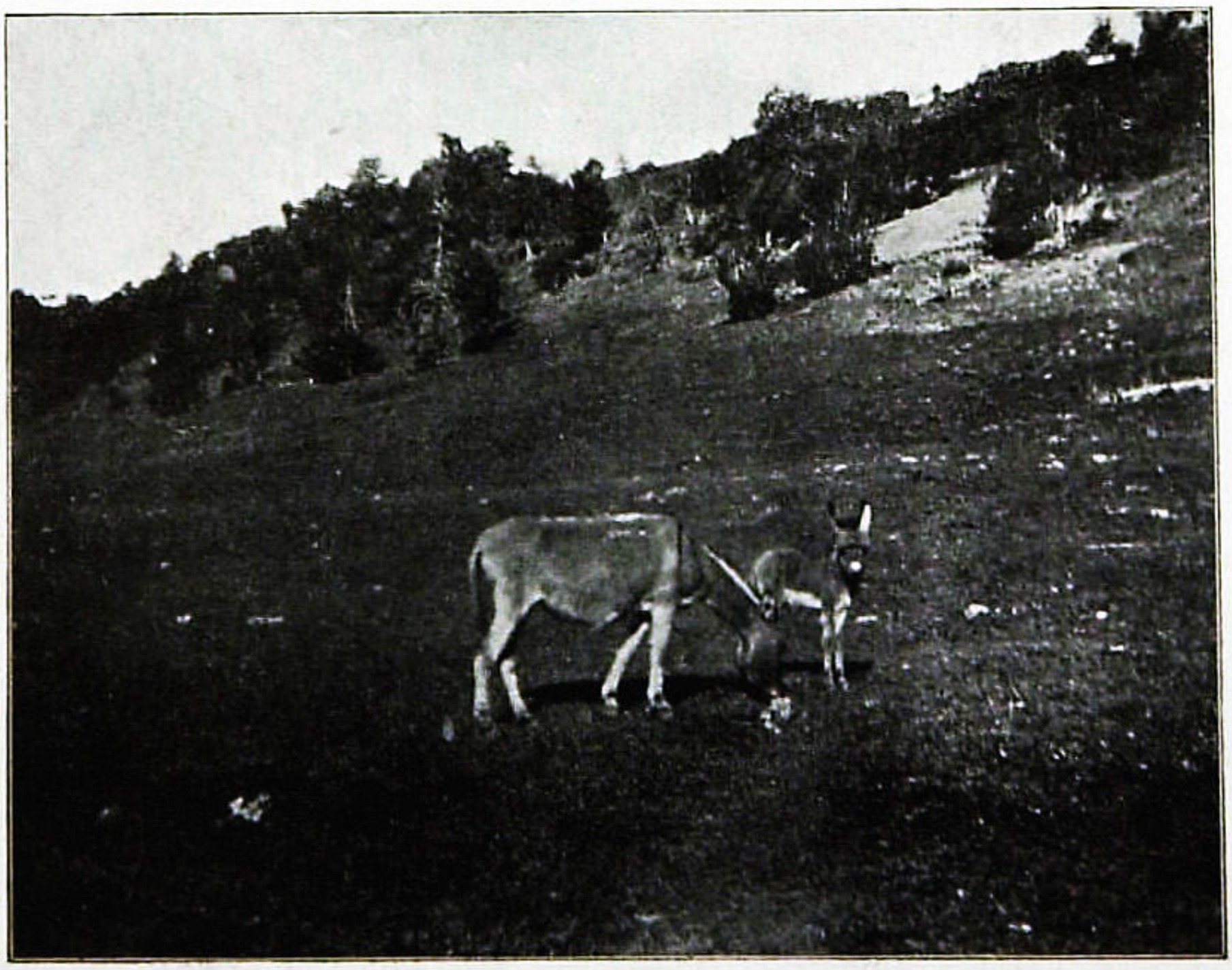

2. Кабадіанское бекство. Кабадіанъ: крѣпость бека.

Клише и печать С. М. Прокудинъ-Горскаго. СПБ.

3. Кулябское бекство.
Лёссовый обрывъ подъ городомъ Кулябъ. Налѣво широкая долина Яхъ-су.

4. Денауское бекство. Арча на Баба-тагѣ.

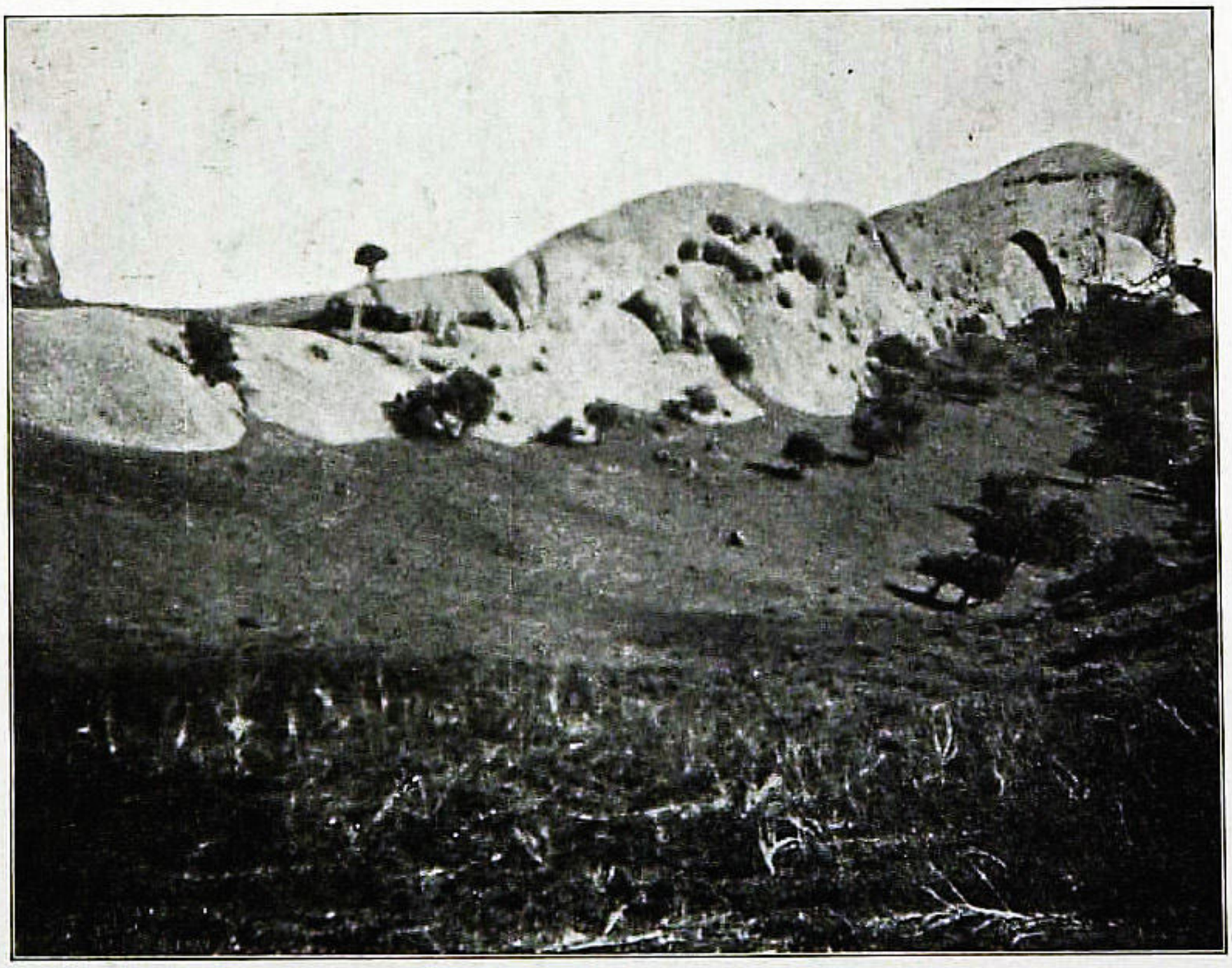
Клише и печать С. М. Прокудинъ-Горскаго. СПБ.

Таблица III.

„ИЗВѢСТІЯ“ И. Р. Г. О. 1908 г.
т. XLIV къ ст. Р. Ю. Рожевица.

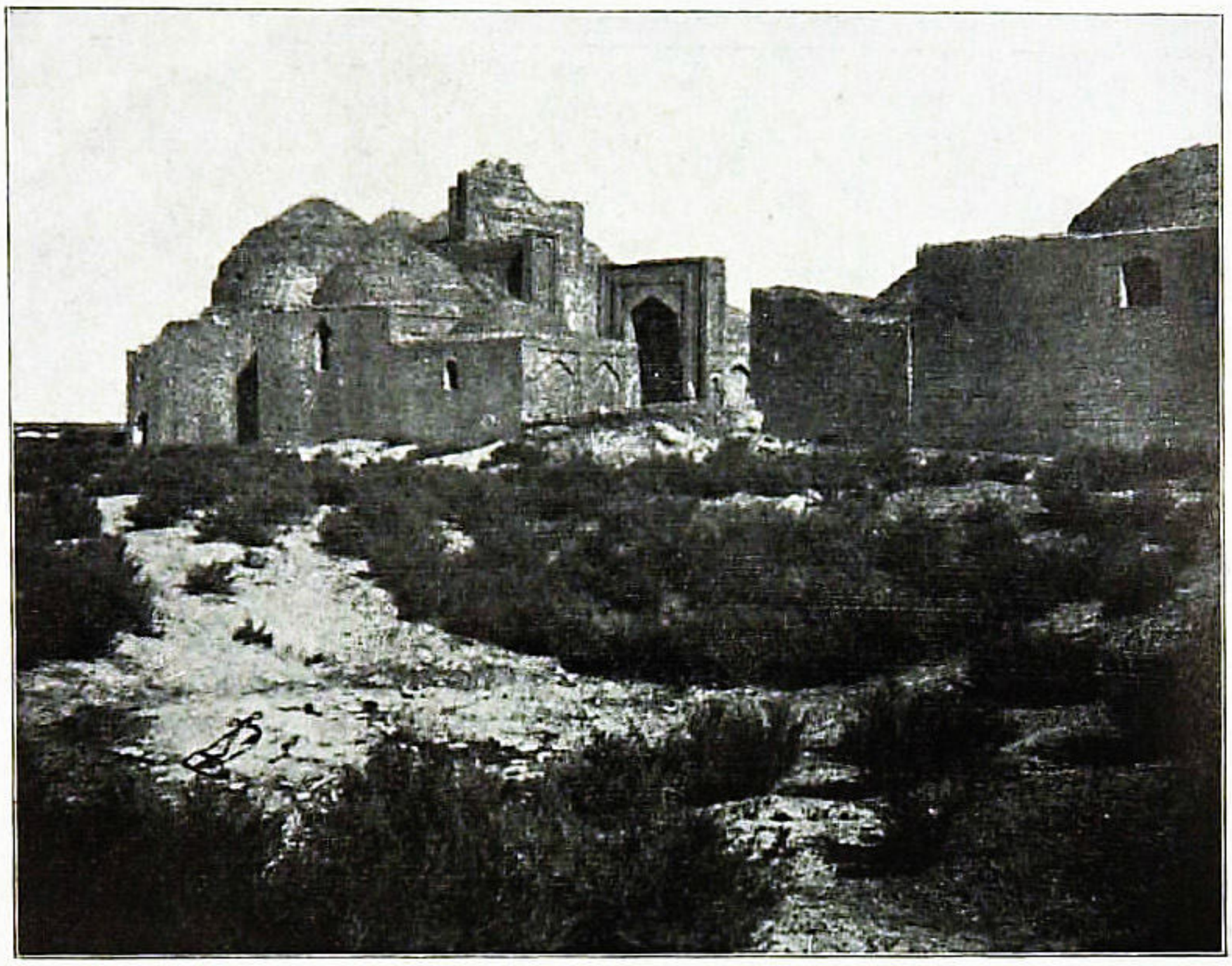

5. Денауское бекство.
Баба-тагъ: дорога по склону горы. Налѣво фисташковое дерево.

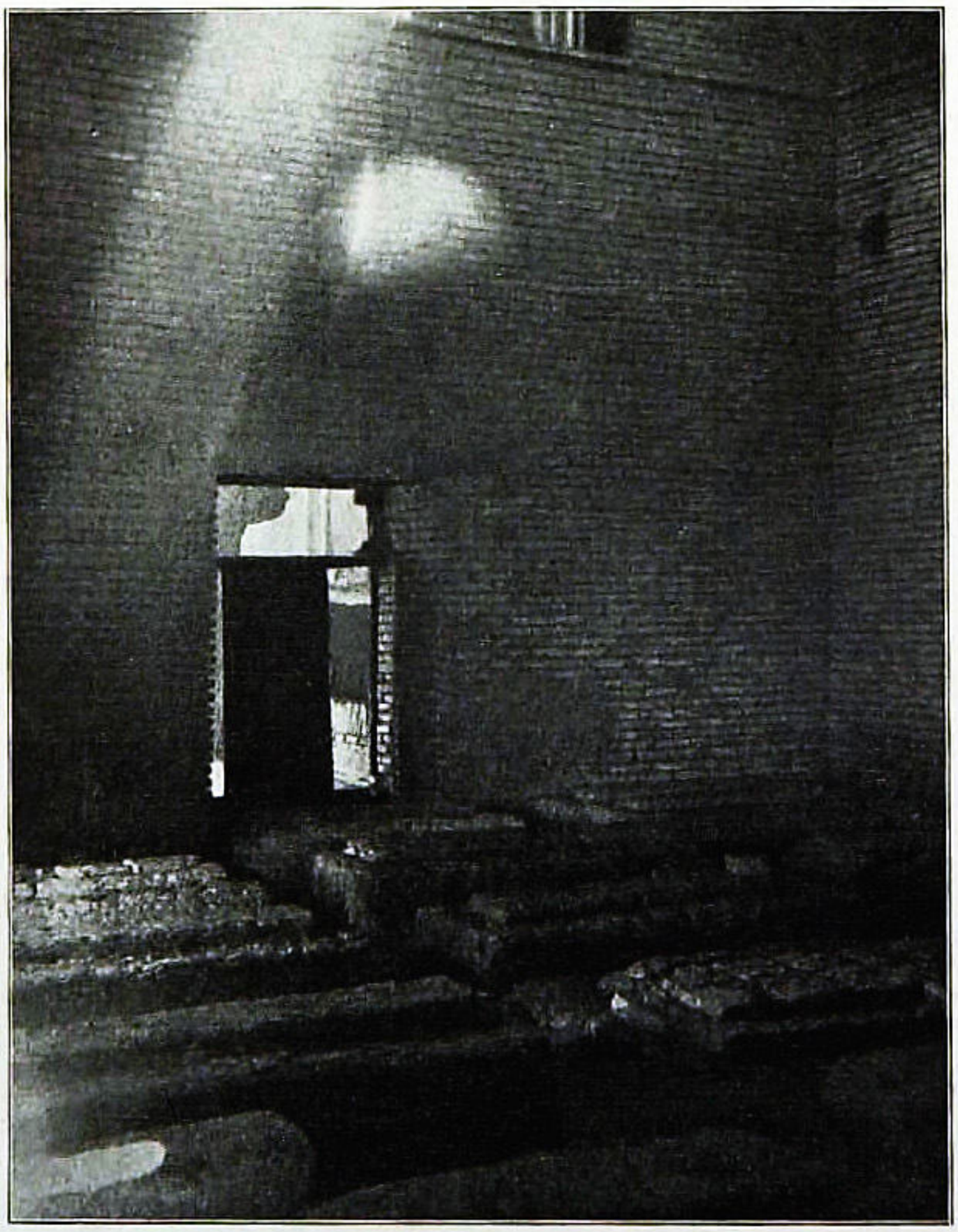

6. Денауское бекство.
Красныя песчаники на Баба-тагѣ. Направо фисташковыя деревья.

Клише и печать С. М. Прокудинъ-Горскаго. СПБ.

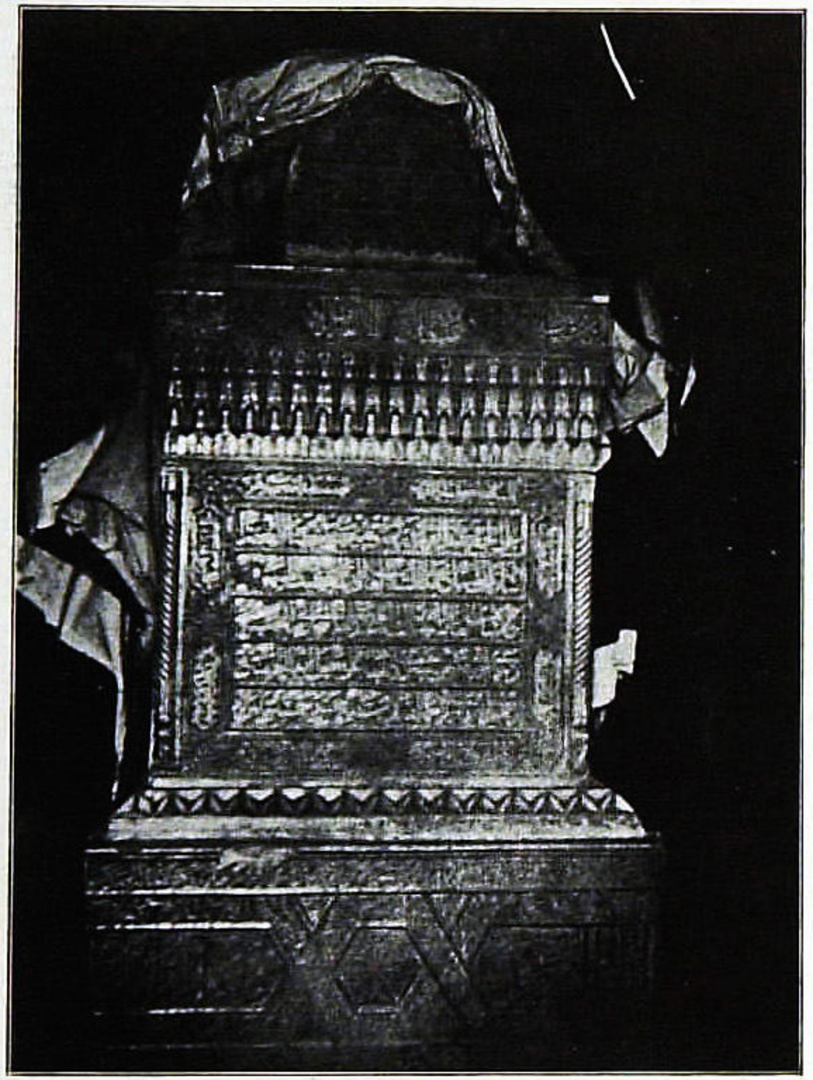
7. Развалины Салтанъ-Саадатъ, близъ Термеза.

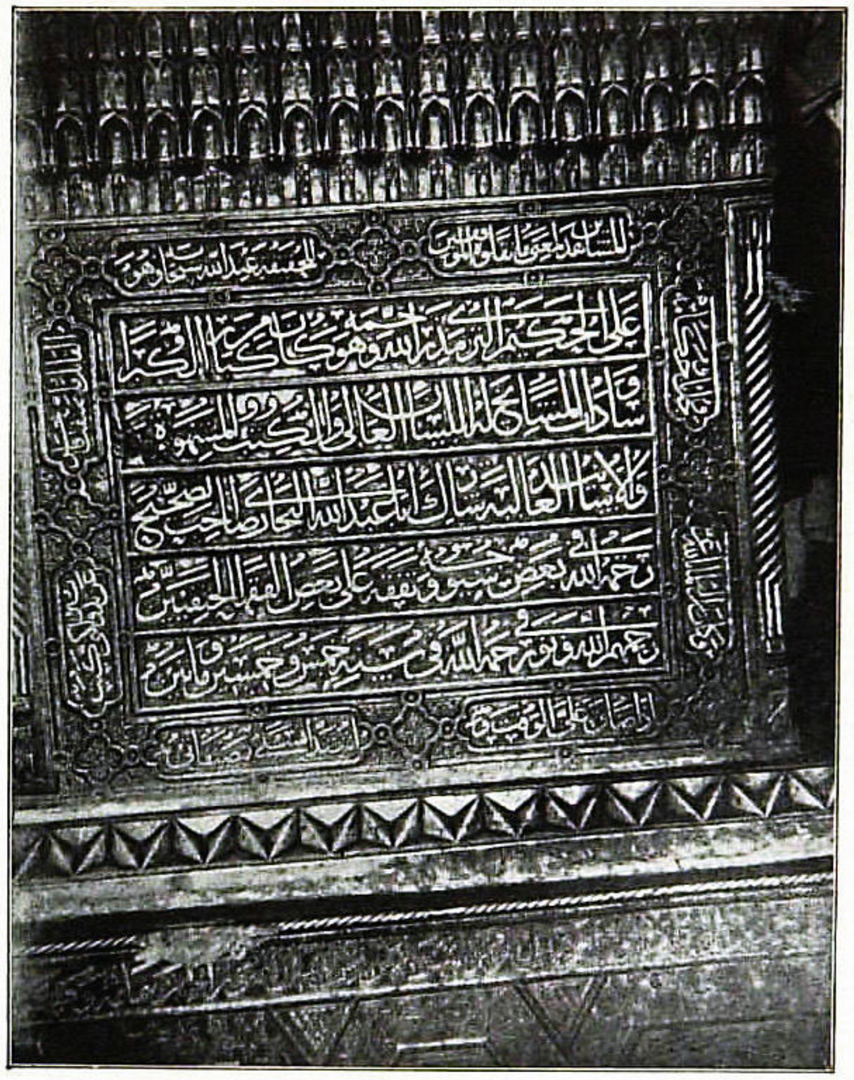
8. Гробницы въ развалинахъ Салтанъ-Саадатъ, близъ Термеза.

Клише и печать С. М. Прокудинъ-Горскаго. СПБ.

„ИЗВѢСТІЯ" И. Р. Г. О. 1908 г.
т. XLIV къ ст. Р. Ю. Рожевица.

9. Гробница Термеза.

10. Надписи на гробницѣ Термеза.